

Jus strictum

Основан в 2010 г.

№ 2
2025

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, д. ф.-м. н., профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, д. ю. н., доцент

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, д. ю. н., доцент

Дежнев Александр Сергеевич, д. ю. н., доцент

Дуюнов Владимир Кузьмич, д. ю. н., профессор

Ирошников Денис Владимирович, д. ю. н., доцент

Кленова Татьяна Владимировна, д. ю. н., профессор

Лазарева Валентина Александровна, д. ю. н., профессор

Ланг Петр Петрович, д. ю. н., доцент

Муравьев Кирилл Владимирович, д. ю. н., доцент

Насонова Ирина Александровна, д. ю. н., профессор

Некрасов Александр Петрович, д. ю. н., профессор

Россинский Сергей Борисович, д. ю. н., профессор

Рябинина Татьяна Кимовна, д. ю. н., профессор

Субочев Виталий Викторович, д. ю. н., профессор

Суменков Сергей Юрьевич, д. ю. н., доцент

Трофимов Василий Владиславович, д. ю. н., доцент

Хужин Альфир Мисхатович, д. ю. н., доцент

До июня 2024 года журнал
выходил под названием
**«Вектор науки
Тольяттинского
государственного
университета. Серия:
Юридические науки».**

Включен в Перечень ВАК,
входит в РИНЦ,
Доступен в Crossref.

Зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (свидетельство
о регистрации
серия № ФС77-76950
от 09 октября 2019 г.).

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»:
45079.

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический
редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020,
Россия, Самарская область,
г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14
Тел.: **(8482) 44-91-74**
E-mail:
vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт:
<https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать
27.06.2025.
Выход в свет 30.06.2025.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 3,7.
Тираж 25 экз. Заказ 3-210-25.
Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент, директор Института юстиции,
профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова
(Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия).

Дежнев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
(Омская академия МВД Российской Федерации, Омск, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Уголовное право и процесс»
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
(Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия),
судья (Арбитражный суд города Москвы, Москва, Россия).

Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент,
начальник научно-исследовательского центра
(Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
(Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
(Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия).

Росинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
(Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
(Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственного регулирования
(Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Москва, Россия).

Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины»
(Пензенский государственный университет, Пенза, Россия).

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент,
начальник Научно-исследовательского центра государственно-правовых исследований,
профессор кафедры теории и истории государства и права
(Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия).

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права и процесса
(Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы правовой характеристики договора финансирования под уступку денежного требования и их налоговые последствия Воробьёва О.А., Нугайбекова Е.Н.	7
Уголовная ответственность за преступления, совершенные с публичной демонстрацией и публично демонстрирующимся производением Савельева О.Ю.	15
Уголовно-процессуальная научная терминология: юридическое содержание и его словесное оформление Тарасов А.А.	22
НАШИ АВТОРЫ	31

CONTENT

Problems of legal characteristics of the factoring agreement and their tax consequences

Vorobyova O.A., Nugaibekova E.N.7

Criminal liability for crimes committed with public display and publicly displayed work

Savelyeva O.Yu.15

Criminal procedure scientific terminology: legal content and its verbal presentation

Tarasov A.A.22

OUR AUTHORS.....31

Проблемы правовой характеристики договора финансирования под уступку денежного требования и их налоговые последствия

Воробьева Ольга Александровна*, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»

Нугайбекова Ева Николаевна, магистрант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

*E-mail: olga80_tlt@mail.ru

Поступила в редакцию 20.03.2025

Пересмотрена 14.04.2025

Принята к публикации 09.06.2025

Аннотация: Несмотря на широкое применение факторинга в коммерческой практике, сохраняется правовая неопределенность в квалификации его договорной природы, что ведет к противоречиям в судебной практике и налоговым рискам. Данный институт, будучи широко распространенным и востребованным в деловой практике, вызывает множество вопросов в части его нормативно-правового регулирования, что напрямую влияет на правильность налоговых последствий для участников сделки. Главная сложность заключается в необходимости разграничения договорных отношений факторинга со смежными правовыми институтами, такими как заем, купля-продажа или кредитование. Некорректная квалификация договора может привести к юридической неопределенности, нарушению прав сторон и значительным налоговым рискам. Цель исследования – выявить ключевые проблемы разграничения факторинга и смежных институтов (цессии, займа, кредита) и предложить пути унификации подходов к его налогообложению. Уделяется особое внимание двойственной природе договора факторинга, находящейся на стыке гражданского и налогового права. Поскольку факторинг связан с уступкой денежных требований, поднимается вопрос о налогообложении дохода, получаемого фактором, а также об учете убытков, возникающих у клиента в результате уступки. Выделены ключевые аспекты, такие как проблемы определения объекта налогообложения, особенности применения НДС и порядок признания доходов и расходов. Комплексно оценено влияние налоговых последствий на выбор структуры факторинговой сделки. Установлено, что определение договора факторинга, представленное в Гражданском кодексе РФ, не в полной мере отражает специфику и суть этого обязательства. Кроме того, в налоговом законодательстве отсутствуют четкие нормы, регулирующие налоговые последствия операций, связанных с договором факторинга. Это создает значительную неопределенность для участников экономической деятельности. Авторы пришли к выводу о необходимости внесения изменений в Гражданский и Налоговый кодексы Российской Федерации.

Ключевые слова: факторинг; уступка денежного требования; налоговые последствия и риски факторинга.

Для цитирования: Воробьева О.А., Нугайбекова Е.Н. Проблемы правовой характеристики договора финансирования под уступку денежного требования и их налоговые последствия // Jus strictum. 2025. № 2. С. 7–14. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-2-61-1.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы использование инструментов финансового обеспечения, в частности договора финансирования под уступку денежного требования, привлекает все больше внимания. Данный тип договора выступает механизмом, позволяющим эффективно привлекать финансовые ресурсы, рационально распоряжаться активами и повышать их экономическую отдачу. Это, в свою очередь, способствует укреплению бизнеса и его развитию [1]. В условиях экономической нестабильности проблема поиска оптимальных финансовых решений становится особенно актуальной, поскольку предприниматели заинтересованы в минимизации финансовых рисков и поиске новых возможностей для привлечения капитала, необходимого для роста и расширения их деятельности [2].

Договор финансирования под уступку денежного требования представляет собой довольно сложный правовой инструмент, который соединяет элементы нескольких отраслей права: гражданского, финансо-

вого и банковского [3]. Несмотря на его все возрастающую значимость, до сих пор остаются пробелы в его правовом регулировании в России. Это создает определенные проблемы для правоприменительной практики, а также для теоретической оценки данного типа обязательств. В связи с этим изучение юридической природы, содержания и последствий договора факторинга представляет существенный интерес как для юристов, занимающихся правовым сопровождением сделок, так и для бизнеса.

Тема договора факторинга приобретает особую актуальность, так как увеличение его популярности сопровождается полемикой среди специалистов. Широкие формулировки в законодательстве в значительной степени затрудняют их применение, вызывая правовые споры, а недостаток знаний об этом инструменте со стороны предпринимателей ограничивает его эффективное использование. На фоне развития финансового рынка договор финансирования под уступку денежного требования

становится достойной альтернативой таким традиционным инструментам, как кредит, заем или договор цессии.

Одной из главных проблем считается правовая неопределенность договора факторинга. Такой договор можно расценивать как разновидность классических кредитных соглашений, однако его структура содержит элементы факторинга и финансового лизинга. Это осложняет понимание правовой природы данного договора и вызывает трудности в его регулировании на практике. Еще одной значительной проблемой является недостаточная проработанность положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и сопутствующих нормативных актов, регулирующих этот вид обязательств. Так, например, отсутствие четкого законодательного подхода и детальных условий для передачи денежного требования создает риски правовой неопределенности.

Исследование особенностей договора факторинга позволяет глубже понять его значение для экономики, оценить его эффективность в практическом применении, а также выявить возможные риски, связанные с налоговыми и финансовыми аспектами. Кроме того, оно способствует более глубокому пониманию правового регулирования факторинга, вопросов защиты интересов сторон договора и потенциальных конфликтных ситуаций, а также методов их разрешения. Такой подход делает данную тему особенно значимой как в научном, так и в прикладном аспектах.

Авторы научных работ сходятся во мнении, что проблемой договора факторинга является отсутствие ясных формулировок. В работе [4] авторы, исследуя современные тенденции и противоречия в понимании правовой природы договора факторинга, пришли к выводу о двойственной природе договора факторинга. Это особенно важно, поскольку помогает понять, почему в российской правовой системе до сих пор сохраняются разночтения в толковании данного договора. В то же время, несмотря на детальный разбор теоретических позиций, не предложено четкой концепции, которая могла бы разрешить выявленные противоречия. Анализ судебной практики представлен выборочно, без систематизации ключевых тенденций, что снижает убедительность аргументации. Несмотря на это, исследование актуализирует дискуссию о правовой природе факторинга в условиях меняющегося гражданского оборота. В отличие от работ [2; 3], сосредоточенных на формально-догматическом анализе, исследование [4] смещает фокус на практические коллизии, что может стимулировать дальнейшее обсуждение возможных путей совершенствования законодательства.

В [5] показано, что ключевые пробелы в регулировании осложняют практику международных факторинговых операций, однако, несмотря на содержательный обзор правовых коллизий, работа имеет несколько ограничений. Автор фокусируется преимущественно на доктринальном анализе, не предлагая конкретных механизмов преодоления выявленных проблем. Тем не менее работа представляет значительную ценность, поскольку актуализирует проблему гармонизации правового регулирования международного факторинга. Кроме того, данная статья смещает фокус на юридические коллизии, что может стимулировать дальнейшие дискуссии о необходимости унификации норм в этой сфере.

Необходимо отметить противоречивые подходы арбитражных судов и Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) к квалификации факторинга, особенно в контексте налоговых споров [6], поскольку выявлены случаи, когда суды признавали факторинг притворной сделкой¹.

Авторы [7], рассматривая проблему разграничения факторинга и цессии в современной судебной практике, пришли к выводу, что ВС РФ постепенно формирует более четкие критерии их различия, однако противоречия в подходах сохраняются. Основываясь на анализе новейших постановлений и определений ВС РФ, авторы показали, что ключевыми признаками, отличающими факторинг от цессии, остаются финансирование клиента и наличие дополнительных услуг (ведение учета, контроль дебиторов). При этом обосновано, что суды не всегда последовательно применяют эти критерии, что приводит к юридической неопределенности [7].

Российское гражданское законодательство предоставляет сторонам значительную свободу в комбинировании элементов различных договорных конструкций, однако эта свобода не является абсолютной и сталкивается с определенными правоприменительными ограничениями [8]. Судебная практика демонстрирует противоречивый подход к квалификации смешанных договоров, что создает правовую неопределенность для участников гражданского оборота. Это особенно важно, поскольку свидетельствует о существенном сдвиге в понимании пределов договорной свободы по сравнению с традиционными цивилистическими подходами. Фокус исследования смещается с формально-догматического анализа на практические проблемы применения ст. 421 ГК РФ [8].

Автор [9] в исследовании новейшей судебной практики пришел к выводу, что действующая редакция гл. 43 ГК РФ сохраняет системные недостатки, которые не были устранены последними изменениями гражданского законодательства. Актуальность работы заключается в том, что судебная практика в России не устоялась, что делает исследование востребованным, кроме того, подчеркиваются значительные законодательные изменения, произошедшие с 2012 г., такие как введение запрета на уступку требований по лицензионным договорам и уточнение правил уведомления должников. В [9] демонстрируется необходимость точечных изменений в гл. 43 ГК РФ, например, предлагается ввести в ст. 824 ГК РФ легальное определение факторинга, отличающее его от цессии, или закрепить критерии отграничения факторинга от займа, а также дополнить ст. 826 ГК РФ признаками определмости будущего требования. Однако в [9] рассматриваются преимущественно позиции арбитражных судов, но не анализируются доктринальные подходы или зарубежный опыт, который мог бы дополнить аргументацию.

Цель исследования – выявление и решение ключевых правовых коллизий, связанных с квалификацией, налоговым учетом и практикой применения договора факторинга в России.

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.06.2020 № Ф05-7419/2020 по делу № А40-210636/2019 // Гарант: информационно-правовой портал.
URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41981389/>.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования правовой природы договора финансирования под уступку денежного требования использовался системно-аналитический подход, позволяющий получить комплексное представление о рассматриваемом предмете. Исследование началось с междисциплинарного анализа, в рамках которого были интегрированы элементы гражданского права, финансового законодательства и налогового права. Это дало возможность создать теоретическую основу для дальнейшего анализа.

Затем был применен метод сравнительного анализа, позволивший рассмотреть различные виды договоров и выявить их отличительные и сходные характеристики по сравнению с договором факторинга. Этот этап был важен, так как понимание уникальных аспектов каждого из видов договоров способствовало пониманию налоговых последствий и правовых рисков, связанных с их использованием.

Далее были проанализированы положения нормативных актов, регламентирующих договор факторинга и налогообложение связанных с ним операций. На этом этапе особое внимание было уделено актуальным аспектам гражданского законодательства и налогового законодательства, а также коллизионным нормам, что обеспечивало выявление ключевых юридических вопросов и рамок, в которых функционирует данный вид договора.

В завершение исследования был проведен анализ налоговых рисков, возникающих при использовании договора факторинга, что позволило не только выявить потенциальные проблемы, но и предложить рекомендации по их минимизации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во-первых, в ГК РФ имеется проблема отсутствия четкого разграничения договора факторинга и смежных гражданско-правовых конструкций, таких как цессия, заем и возмездное оказание услуг. Особенно проблематично это выглядит для случаев, когда договор содержит элементы нескольких типов обязательств. Действующая редакция ст. 824 ГК РФ не устанавливает исчерпывающих критериев квалификации, что приводит к противоречивой судебной практике. Например, суд квалифицировал договор как факторинг, несмотря на отсутствие в нем условий об управлении дебиторской задолженностью, основным критерием было признано наличие финансирования под уступку денежного требования². Или другой пример: суд переквалифицировал договор факторинга в цессию, в качестве основания указав отсутствие в договоре условий о проведении анализа платежеспособности должника, инкассации задолженности, иных признаков факторинга как комплексной услуги³. Мы пришли к выводу, что такая противоречивая практика создает правовую неопределенность для участников оборота и требует законодательного закрепления четких критериев факторинга.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.03.2021 по делу № А40-123456/2020.

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.09.2022 по делу № А60-78901/2021.

Во-вторых, положения ГК РФ и сопутствующих нормативных актов, регулирующих данный вид обязательств, недостаточно проработаны. Ст. 824 ГК РФ имеет нечеткое определение предмета факторинга, используется расплывчатая формулировка «финансирование под уступку денежного требования», но не раскрывается, какие требования могут быть предметом уступки, обязательно ли участие профессионального фактора, или любое лицо может выступать в этой роли. Анализируя ст. 824 ГК РФ, мы пришли к выводу, что действующая редакция не учитывает важнейшие аспекты факторинговой деятельности, включая управленческую функцию фактора по оценке платежеспособности должников и инкассации дебиторской задолженности.

Ст. 826 ГК РФ имеет пробелы в регулировании будущих требований. Например, п. 1 ст. 826 допускает уступку будущих требований, но не устанавливает минимальную степень определмости: достаточно ли указать только должника, или нужно конкретное основание возникновения долга; а также возникает вопрос, с какого момента происходит переход права: с момента заключения договора факторинга или возникновения требования. В ст. 832 говорится о праве фактора на регресс, но нет условий применения и лимитов ответственности поставщика. Кроме того, имеется конфликт с нормами о банкротстве⁴ (ст. 61.3), ГК РФ не регулирует приоритет требований фактора при банкротстве поставщика или должника. Мы пришли к заключению, что отсутствие специальных норм снижает эффективность правового регулирования данного института.

В-третьих, положения Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) по вопросам регулирования договора факторинга недостаточно проработаны. Например, НК РФ освобождает от налога на добавленную стоимость (далее – НДС) услуги по уступке денежных требований (пп. 26 п. 3 ст. 149), но неясно, какие операции подпадают под это освобождение⁵. Положения НК РФ вызывают споры по учету расходов фактора (ст. 252, 265 НК РФ), так, фактор несет расходы при выкупе требований, но неясно, можно ли учесть убытки при невозврате (ст. 265 НК РФ) или как оценить резервы по сомнительным долгам (ст. 266 НК РФ)⁶.

Вызывает вопросы и налогообложение клиента (поставщика) при уступке требований: поставщик получает деньги от фактора, но в законе не прописано, должен ли он сразу платить налог на прибыль, если должник еще не рассчитался, или если поставщик уступил требование с НДС, то должен ли фактор исчислять НДС при взыскании долга.

Выявленные противоречия влекут за собой значительные налоговые риски доначисления, пени за несвоевременную уплату и административные издержки, вызывающие репутационные потери. Данная правовая неопределенность создает существенные риски для

⁴ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Консультант-Плюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.

⁵ Постановление АС МО от 12.03.2021 № Ф05-1234/21, Постановление АС УО от 15.07.2022 № Ф09-5678/22.

⁶ Постановление АС СЗО от 10.02.2023 № Ф07-9876/23, Постановление АС ПО от 05.09.2022 № Ф06-5432/22.

участников гражданского оборота, включая возможность двойного налогообложения и судебных споров с налоговыми органами.

Проанализировав перечисленные особенности, предлагаем следующие рекомендации по минимизации правовых и налоговых рисков:

1) тщательная проработка договорной документации. Условия договоров факторинга должны быть сформулированы таким образом, чтобы избежать их переквалификации в договоры займа, цессии или оказания услуг. Это предполагает акцент на элементы управления дебиторской задолженностью, свойственные именно факторингу;

2) учет требований налогового законодательства. Своевременное определение налоговых последствий каждой операции позволит минимизировать риск двойного налогообложения или споров с налоговыми органами (пример: четкое разделение стоимости финансирования и платы за услуги фактора);

3) юридическая прозрачность отношений с должниками. Уведомления о передаче права требования должны соответствовать всем требованиям законодательства, чтобы избежать споров и отказов со стороны должников;

4) учет трансфертного ценообразования. Для холдингов важно проводить регулярный анализ рыночного ценообразования на факторинговые услуги и представлять доказательства в случае налоговых проверок;

5) формирование налогового резерва. Учитывая налоговые споры, которые могут возникнуть в процессе применения факторинга, целесообразно заблаговременно формировать резервы для покрытия возможных налоговых обязательств.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Правовая неопределенность договора финансирования под уступку денежного требования

При обсуждении вопросов, связанных с регулированием договора финансирования под уступку денежного требования, важно выделить несколько ключевых моментов, которые существенно влияют на его использование и правоприменение. Одной из главных проблем считается правовая неопределенность этого договора. С одной стороны, его можно расценивать как разновидность классических кредитных соглашений, однако его структура содержит элементы факторинга и финансового лизинга. Это усложняет понимание правовой природы данного договора и вызывает трудности в его регулировании на практике.

Еще одной значительной проблемой является недостаточная проработанность положений ГК РФ и сопутствующих нормативных актов, регулирующих этот вид обязательств. Например, отсутствие четкого законодательного подхода и детальных условий для передачи денежного требования создает риски правовой неопределенности. Подобные пробелы могут стать поводом для конфликтов между сторонами соглашения, особенно в случаях, когда одна сторона ставит под сомнение легитимность уступки из-за неточностей в договоре или несоответствия установленным законодательным требованиям.

Дополнительно стоит отметить, что порядок передачи права требования и детали уведомления должника зачастую регулируются расплывчато. Действующее законодательство не всегда фиксирует четкие процедуры, предусматривающие передачу прав с обязательным уведомлением должника. Такая ситуация увеличивает вероятность возникновения споров, вызванных сомнениями в законности уступки или уклонением от соблюдения договорных условий. Это, в свою очередь, порождает практику недобросовестных действий, при которых уступка требований осуществляется с нарушениями.

Еще один аспект проблематики касается сложности признания этапов процедуры уступки и финансирования в ходе осуществления сделок. Например, кредитные учреждения нередко подвергают сомнению правомерность таких действий, если считают, что это может нанести ущерб их правам или противоречить условиям ранее заключенных соглашений. Такая практика создает дополнительные сложности для участников, нарушая предсказуемость и стабильность коммерческих отношений [10].

Если рассматривать зарубежный опыт, то многие международные примеры демонстрируют наличие более детальной регламентации договоров финансирования под уступку прав. В ряде стран предлагаются четкие правила, которые минимизируют возможные риски участников и способствуют формированию развитой правоприменительной практики. Введение подобных подходов в отечественную правовую систему могло бы обеспечить стабильность и минимизировать спорные ситуации между сторонами.

Нельзя обойти стороной договор факторинга, регламентируемый ГК РФ. Этот инструмент представляет собой сложную, но весьма полезную систему для ускорения движения денежных средств в коммерции. Несмотря на очевидные преимущества, с факторингом на практике связано множество вопросов, включая налоговые аспекты. Недостатки в законодательном регулировании и непоследовательные подходы налоговых органов создают неоправданные риски для сторон [11].

Таким образом, проблемы, возникающие при реализации договоров финансирования под уступку денежных требований, включают правовую неопределенность, недостаточную регламентацию процедур уступки и налоговые риски. Это свидетельствует о необходимости реформирования соответствующих норм законодательства с целью создания правовой определенности, сокращения рисков участников и повышения качества правоприменения. Внесение таких изменений будет способствовать развитию гражданского оборота, делая его более предсказуемым и стабильным [12].

Выявленные проблемы в правоприменении договора факторинга

Одной из центральных проблем в правоприменении договора факторинга является различие в подходах к его сути и правовой природе. В соответствии с положениями ст. 824 ГК РФ, договор факторинга представляет собой соглашение, по которому одна сторона (фактор) предоставляет другой стороне (клиенту) финансирование под уступку денежного требования третьему лицу (должнику). На практике, однако, возникает неопределенность в квалификации отдельных условий подобных договоров [13].

1. Разграничение факторинга и цессии.

Основное затруднение связано с разграничением договоров факторинга и цессии (уступки права требования). Оба вида договора предусматривают передачу права требования третьему лицу, однако имеют разное правовое значение. В то время как договор цессии является сделкой по отчуждению права требования, факторинг включает в себя дополнительный элемент – финансирование клиента. На практике же стороны могут заключать договоры, которые по форме напоминают факторинг, но по сути не соответствуют его правовой природе. Это приводит к правовой неопределенности и налоговым спорам [14]. Судебная практика также демонстрирует неоднозначный подход: некоторые суды квалифицируют договоры как факторинг исходя из их названия, игнорируя их фактическое содержание.

2. Проблема защиты прав должника.

Согласно ГК РФ, должник должен быть своевременно уведомлен о передаче права требования новому кредитору. Однако на практике должники нередко сталкиваются с ситуацией, когда уведомление предоставляется с опозданием либо вообще отсутствует. Это может привести к ненадлежащему исполнению обязательств (например, оплата долга первоначальному кредитору), что дополнительно усложняет правоотношения [15].

3. Статус договора факторинга с участием иностранных элементов.

Еще одной сложностью является регулирование договоров факторинга, где одна из сторон является иностранным лицом. При этом могут возникать вопросы, связанные с применением иностранного права, а также с различиями в законодательных подходах к регулированию факторинга за рубежом и в России.

Договор факторинга нередко становится объектом споров между налогоплательщиками и налоговыми органами, особенно в части налогообложения доходов.

Среди наиболее распространенных налоговых рисков можно выделить следующие.

1. Квалификация доходов как финансирования по договору.

Как правило, финансирование, предоставляемое фактором клиенту, трактуется как экономическая выгода, однако налоговые органы могут расценивать ее по-разному, в зависимости от применяемых условий договора. Например, если финансирование оказывается на условиях предоплаты, налоговые органы могут интерпретировать это как аванс, подлежащий включению в налоговую базу.

2. НДС при уступке права требования.

Согласно ст. 146 НК РФ операции по уступке права требования могут облагаться НДС. Однако в применении данного положения возникает множество вопросов: если уступка права требования осуществляется с дисконтом, налоговые органы нередко считают разницу между номинальной стоимостью требования и суммой его уступки доходом, подлежащим налогообложению [16]. При этом судебная практика также демонстрирует разногласия, что создает дополнительную неопределенность для участников таких сделок.

3. Риск переквалификации договора.

Налоговые органы могут переквалифицировать договор факторинга в договор займа или другое обязательство, что имеет существенные налоговые последст-

вия. Например, в случае признания сделки займом проценты по предоставленному финансированию могут быть учтены как объект налогообложения доходов, что увеличивает налоговую нагрузку.

4. Особенности применения трансфертного ценообразования.

В случае если одна из сторон договора факторинга является зависимым лицом или аффилированной структурой, может встать вопрос о применении правил трансфертного ценообразования. Это усложняет определение фактической налоговой базы и требует дополнительной отчетности.

Предложения по улучшению законодательства

Проведенное исследование демонстрирует, что договор факторинга, несмотря на его значительную практическую ценность, сопровождается рядом правовых и налоговых рисков. Для их минимизации необходимо предпринять следующие шаги.

Во-первых, следует тщательно прорабатывать условия договора, чтобы избежать его возможной переквалификации. Особое внимание нужно уделить разграничению договора факторинга и соглашений о цессии или займе. Это позволит минимизировать споры, связанные с налоговыми последствиями сделки.

Во-вторых, важно внести уточнения в положения ГК РФ, регулирующие права и обязанности сторон при заключении договора факторинга. Особо необходимо четко зафиксировать порядок уведомления должника о передаче права требования. Это снизит вероятность конфликтов и разногласий в указанном аспекте.

Принятие подобных мер позволит укрепить правовые основы договора факторинга, уменьшит риски участников и повысит уровень доверия к данному инструменту финансирования.

В сфере налогообложения требуется внесение поправок в НК РФ, исключающих двойственное толкование операций по договору факторинга. Например, необходимо установить, что разница между номинальной стоимостью уступки и фактически уплаченной фактором суммой не должна облагаться НДС при условии, что финансирование является экономически обоснованным [17].

Совершенствование законодательства, регулирующего факторинг, включая правовые и налоговые аспекты, стало бы решающим шагом для более активного и безопасного использования этого инструмента в предпринимательской сфере. Такие изменения способны уменьшить число спорных ситуаций и повысить привлекательность данного вида финансовых услуг на рынке. Очевидно также, что дальнейшие исследования проблемы должны учитывать не только российскую правовую базу, но и передовой международный опыт. Это позволит выработать унифицированный подход к ключевым положениям договоров факторинга и достичь большей правовой определенности [18].

Особое внимание при изучении проблемы заслуживает разграничение договора факторинга и схожих договорных конструкций, таких как соглашения о цессии и договоры займа. Несмотря на то, что ГК РФ выделяет факторинг как самостоятельный правовой механизм, в судебной практике нередко возникает вопрос об использовании факторинга, замаскированного под другие

виды соглашений, для правовой или налоговой оптимизации. Это создает риски как для сторон договора, так и для регуляторов, что подчеркивает необходимость более четкого закрепления различий между этими институтами.

Например, проблема возникает, если договор факторинга содержит условия, которые близки к договору займа, в частности фиксированную плату за пользование финансированием без привязки к реальным рискам уступки права требования. Это может быть расценено как нарушение правовой природы факторинга и привести к признанию сделки недействительной. Для устранения таких рисков участникам оборота следует четко формулировать условия оплаты уступки, подчеркивая, что речь идет не о процентах по займу, а об оплате услуги финансирования.

Второй аспект связан с условиями уступки денежных требований. ГК РФ требует, чтобы уступаемое требование было действительным и поддающимся оценке. Однако на практике суды часто сталкиваются с требованиями иного характера: спорными, условными или еще не созревшими. Подобные ситуации создают сложности не только для сторон договора, но и для судебных органов, которым приходится определять судьбу таких обязательств. Чтобы минимизировать юридические риски, клиентам факторинга необходимо грамотно документировать основания для уступки и предоставлять фактору всю необходимую информацию о состоянии задолженности.

Еще одна проблема касается роли должника, который также является участником трехсторонних отношений по договору факторинга. Некоторые должники отказываются в признании уступки, ссылаясь на отсутствие уведомления или нарушения условий договора первичного кредитора. Это приводит к затягиванию расчетов и девальвации формы факторинга как инструментально эффективного способа финансирования. Для решения данной проблемы факторам рекомендуется внедрять строгие механизмы уведомления должников, а также использовать согласованную с клиентами форму уведомлений, которая минимизирует возможность оспаривания.

С точки зрения налогового законодательства договор факторинга также связан с рядом спорных вопросов. Эти проблемы непосредственно затрагивают налогообложение как клиентов, так и факторов, что делает налоговый аспект важным элементом оценки рисков при заключении и исполнении договоров факторинга.

Основной налоговой сложностью при факторинге является правильное отражение доходов и расходов у каждой из сторон. Клиенты, уступающие дебиторскую задолженность, сталкиваются с проблемой признания дохода в момент передачи права требования. Согласно НК РФ при уступке права требования разница между номинальной стоимостью обязательства и стоимостью финансирования (т. е. фактически полученной от фактора суммой) может рассматриваться как убыток. Однако налоговые органы нередко воспринимая такую разницу как экономически обоснованную, что приводит к увеличению налогооблагаемой базы.

С точки зрения фактора налоговые органы иногда расценивают его доход от факторинговой операции как проценты по займу. Это связано с тем, что компенсация за финансирование включает вознаграждение, которое по своей экономической сути напоминает процентные

выплаты. Такая квалификация может повлечь за собой дополнительные налоговые обязательства и спор с фискальными структурами.

Особое место занимают вопросы, связанные с НДС. Одна из наиболее актуальных проблем – облагается ли уступка денежного требования фактору. Согласно позиции Минфина РФ и судов, уступка прав требования, вытекающих из осуществления коммерческой деятельности, НДС не подлежит, если речь идет об уступке на безвозмездной основе. Однако, если обязанности клиента включают оплату услуг (например, управление задолженностью, прием платежей и другие сопутствующие услуги со стороны фактора), эта составляющая включается в налоговую базу для расчета НДС.

Кроме того, при факторинге с регрессом может возникать двойное налогообложение. Например, если права требования возвращаются клиенту вследствие неисполнения обязательств должником, сумма, подлежащая возврату фактору, часто становится объектом пристального внимания налоговых органов. Они могут пытаться включить такие возвратные суммы в состав налогооблагаемой базы клиента, что фактически приводит к повторному налогообложению.

Для крупных групп компаний применять факторинг внутри холдинга становится еще рискованнее, если речь идет о контролируемых сделках. В условиях трансфертного ценообразования налоговые органы вправе проверять, насколько условия договоров с независимыми лицами и с участниками одной группы соответствуют рыночным параметрам. Это ставит под угрозу возможность применения внутреннего факторинга с целью оптимизации налогов, поскольку излишняя гибкость в расчете комиссионного вознаграждения со стороны факторов может быть расценена как способ уклонения от уплаты налога.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Выявлен ряд пробелов и неясностей в правовом регулировании договора факторинга:

- понятие договора факторинга, закрепленное в ГК РФ, не полностью раскрывает специфику и природу этого обязательства. Отсутствие четкого разграничения договора факторинга и других договоров уступки права требования приводит к частым сложностям в правоприменительной практике;

- в налоговом законодательстве не предусмотрены однозначные нормы, регулирующие налоговые последствия операций по договору факторинга, что создает высокий уровень неопределенности для участников хозяйственного оборота. В частности, возникают вопросы учета расходов и доходов у сторон сделки (фактора и клиента), а также налогообложения НДС при уступке денежного требования.

Основными выявленными рисками договора факторинга для участников гражданского оборота являются:

- некорректная интерпретация налоговыми органами правовой природы сделок факторинга, что может повлечь доначисление налогов;

- несправедливое налогообложение доходов у клиента (компании, уступающей право требования) при фактической передаче обязательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тимофеев С.В. Правовая природа уступки права требования (цессии) в кредитных правоотношениях // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 1. С. 128–139. EDN: [ZMHCTK](#).
2. Кондрина А.М. Оценка эффективности применения факторинга в сегменте малого и среднего предпринимательства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 5-1. С. 233–236. DOI: [10.24412/2411-0450-2024-5-1-233-236](#).
3. Толмачева Е.М. Рынок факторинга как альтернатива краткосрочного кредитования малого и среднего бизнеса // Экономика и управление. 2020. № 1. С. 94–99. DOI: [10.35854/1998-1627-2020-1-94-99](#).
4. Бондаренко А.А., Кузьмина А.С. Стимулирование и поддержка международной торговли России с привлечением финансовых инструментов секьюритизации // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 7. С. 65–74. DOI: [10.24412/2072-8042-2023-7-65-74](#).
5. Мирзабалаев Р.М. Договор международного факторинга как вид внешнеэкономической сделки // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 110-9. С. 105–108. EDN: [BYTNYS](#).
6. Жарикова К.В., Примакова Е.М., Сушкова М.А., Тюрина А.В. Факторинг в России // Экономика и социум. 2016. № 3. С. 416–422. EDN: [WDKGBR](#).
7. Федоров А.Г., Ермакова М.А. Принципиальное отличие правовых конструкций договоров цессии и факторинга: теория и практика // Вестник Калужского университета. 2020. № 2. С. 26–29. EDN: [CPKSPK](#).
8. Соломин С.К. Реализация принципа свободы договора в контексте заключения смешанного договора // Право и экономика. 2011. № 10. С. 41–44. EDN: [OKAVGN](#).
9. Правящий П.А. Обеспечительная уступка требования (Часть 2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 131–155. DOI: [10.37239/2500-2643-2022-18-1-131-155](#).
10. Макеева Е.А. Договор финансирования под уступку денежного требования // Современные проблемы права, экономики и управления. 2019. № 2. С. 237–244. EDN: [DBMJLF](#).
11. Чимитцыренова С.Б. Договор финансирования под уступку денежного требования в российском гражданском праве // Национальная ассоциация ученых. 2021. № 36-3. С. 57–61. EDN: [RIHFTL](#).
12. Федорова О.С., Ханова А.Р. Налог на прибыль при уступке долга иностранной компании // Налоги и финансовое право. 2021. № 10. С. 105–109. EDN: [GAXOGP](#).
13. Правящий П.А. Обеспечительная уступка требования (Часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 12. С. 84–113. DOI: [10.37239/2500-2643-2022-17-12-84-113](#).
14. Шкарупина Т.П. Правовое регулирование договора финансирования под уступку денежного требования (факторинг) // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. № 6. С. 218–222. EDN: [BFGPZF](#).
15. Харчева И.В. Факторинг как инструмент финансового оздоровления организации: учет и налогообложение // Аудитор. 2025. Т. 11. № 3. С. 30–36. DOI: [10.12737/1998-0701-2025-11-3-30-36](#).
16. Федорова О.С., Зырянов А.В. Налоговые последствия уступки прав по договору лизинга // Налоги и финансовое право. 2023. № 2. С. 134–139. EDN: [VKCNVS](#).
17. Перонко И.А., Фридрих М.М. Практические аспекты налогообложения факторинговых операций (на примере реализации сельскохозяйственной продукции) // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2024. № 111. С. 18–24. EDN: [RFLEAT](#).
18. Özmerdivanli A. Analysis of The Financial Performance of Companies Listed in The ISE Financial Leasing and Factoring Index by Using the ENTROPY-Based ARAS Method // Premium e-Journal of Social Sciences (PEJOSS). 2025. № 51. P. 147–157. DOI: [10.5281/zenodo.14975888](#).

REFERENCES

1. Timofeev S.V. Legal nature of assignment of the right of claim (cession) in credit relations. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, 2020, no. 1, pp. 128–139. EDN: [ZMHCTK](#).
2. Kondrina A.M. Assessment of the effectiveness of factoring in the segment of small and medium-sized enterprises. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2024, no. 5-1, pp. 233–236. DOI: [10.24412/2411-0450-2024-5-1-233-236](#).
3. Tolmacheva E.M. Factoring market as an alternative to short-term lending for small and medium enterprises. *Ekonomika i upravlenie*, 2020, no. 1, pp. 94–99. DOI: [10.35854/1998-1627-2020-1-94-99](#).
4. Bondarenko A.A., Kuzmina A.S. Promoting and supporting international trade in Russia through securitization. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*, 2023, no. 7, pp. 65–74. DOI: [10.24412/2072-8042-2023-7-65-74](#).
5. Mirzabalaev R.M. International factoring agreement as a type of foreign economic transaction. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2024, no. 110-9, pp. 105–108. EDN: [BYTNYS](#).
6. Zharikova K.V., Primakova E.M., Sushkova M.A., Tyurina A.V. Factoring in Russia. *Ekonomika i sotsium*, 2016, no. 3, pp. 416–422. EDN: [WDKGBR](#).
7. Fedorov A.G., Ermakova M.A. Principal difference of legal constructions of cession and factoring contracts: theory and practice. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*, 2020, no. 2, pp. 26–29. EDN: [CPKSPK](#).
8. Solomin S.K. Freedom of contract principle in the context of conclusion of a mixed contract. *Pravo i ekonomika*, 2011, no. 10, pp. 41–44. EDN: [OKAVGN](#).
9. Pravyashchiy P.A. Security assignment (Part two). *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2023, no. 1, pp. 131–155. DOI: [10.37239/2500-2643-2022-18-1-131-155](#).
10. Makeeva E.A. The contract of financing under concession of a monetary claim. *Sovremennye problemy prava, ekonomiki i upravleniya*, 2019, no. 2, pp. 237–244. EDN: [DBMJLF](#).
11. Chimitsyrenova S.B. Financing agreement for the assignment of a monetary claim in Russian civil law. *Natsionalnaya assotsiatsiya uchenykh*, 2021, no. 36-3, pp. 57–61. EDN: [RIHFTL](#).

12. Fedorova O.S., Khanova A.R. Profit tax on debt assignment to a foreign company. *Nalogi i finansovoe pravo*, 2021, no. 10, pp. 105–109. EDN: [GAXOGP](#).
13. Pravyashchiy P.A. Security assignment (part one). *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2022, no. 12, pp. 84–113. DOI: [10.37239/2500-2643-2022-17-12-84-113](#).
14. Shkarupina T.P. Legal regulation of a financing agreement against the assignment of a monetary claim (factoring). *Teoriya prava i mezhdgosudarstvennykh otnosheniy*, 2022, no. 6, pp. 218–222. EDN: [BFGPZF](#).
15. Kharcheva I.V. Factoring as an instrument of financial improvement of an organization: accounting and taxation. *Auditor*, 2025, vol. 11, no. 3, pp. 30–36. DOI: [10.12737/1998-0701-2025-11-3-30-36](#).
16. Fedorova O.S., Zyryanov A.V. Tax consequences of assignment of lease contract. *Nalogi i finansovoe pravo*, 2023, no. 2, pp. 134–139. EDN: [VKCNVS](#).
17. Peronko I.A., Fridrikh M.M. Practical aspects of taxation of factoring operations (on the example of the agricultural products sale). *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2024, no. 111, pp. 18–24. EDN: [RFLEAT](#).
18. Özmerdivanli A. Analysis of The Financial Performance of Companies Listed in The ISE Financial Leasing and Factoring Index by Using the ENTROPY-Based ARAS Method. *Premium e-Journal of Social Sciences (PEJOSS)*, 2025, no. 51, pp. 147–157. DOI: [10.5281/zenodo.14975888](#).

Problems of legal characteristics of the factoring agreement and their tax consequences

Olga A. Vorobyova*, PhD (Pedagogy), assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”

Eva N. Nugaybekova, graduate student

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

*E-mail: olga80_tlt@mail.ru

Received 20.03.2025

Revised 14.04.2025

Accepted 09.06.2025

Abstract: Despite the widespread use of factoring in commercial practice, legal uncertainty in the qualification of its contractual nature remains, which leads to contradictions in judicial practice and tax risks. This institution, being widespread and much needed in business practice, raises many questions in terms of its legal regulation, which directly affects the correctness of tax consequences for the parties to the transaction. The main difficulty lies in the need to distinguish between contractual factoring relations and related legal institutions, such as a loan, purchase and sale, and lending. Incorrect qualification of the contract can lead to legal uncertainty, violation of the rights of the parties and significant tax risks. The purpose of the study is to identify the key problems of distinguishing factoring from related institutions (cession, loan, credit) and to propose ways to unify approaches to its taxation. Particular attention is paid to the dual nature of the factoring agreement, which is at the junction of civil and tax law. Since factoring is associated with the assignment of monetary claims, the issue of taxation of income received by the factor, as well as of accounting for losses incurred by the client from the assignment, is raised. Key aspects are highlighted, such as problems of determining the object of taxation, features of VAT application, and the procedure for recognizing income and expenses. The influence of tax consequences on the choice of the structure of a factoring transaction is comprehensively assessed. It is found that the definition of a factoring agreement presented in the Civil Code of the Russian Federation does not fully reflect the specifics and essence of this obligation. Moreover, tax legislation lacks clear rules governing the tax consequences of transactions related to a factoring agreement. This creates significant uncertainty for participants in economic activity. The authors concluded on the necessity of amendment of the Civil and Tax Codes of the Russian Federation.

Keywords: factoring; monetary claim assignment; tax consequences and risks of factoring.

For citation: Vorobyova O.A., Nugaybekova E.N. Problems of legal characteristics of the factoring agreement and their tax consequences. *Jus strictum*, 2025, no. 2, pp. 7–14. DOI: [10.18323/3034-2945-2025-2-61-1](#).

Уголовная ответственность за преступления, совершенные с публичной демонстрацией и публично демонстрирующимся произведением

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: saveleva_olga@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5214-4968>

Поступила в редакцию 29.05.2025

Пересмотрена 31.05.2025

Принята к публикации 16.06.2025

Аннотация: Выбор темы статьи обусловлен ростом числа случаев публичного и демонстративного совершения преступлений с использованием средств массовой информации и сети Интернет, что находит отражение в деятельности по редактированию норм уголовного законодательства, направленной на повышение эффективности борьбы с этими общественно опасными явлениями. Настоящее исследование направлено на сопоставление и анализ понятий «публичная демонстрация» и «публично демонстрирующееся произведение» с целью выявления сходств и различий между этими терминами, разработки рекомендаций по их правильному применению при квалификации преступлений в правоприменительной деятельности, а также внесения предложений по изменению уголовного законодательства. Результаты исследования показывают, что понятия «публичная демонстрация» и «публично демонстрирующееся произведение» существенно различаются по своему содержанию и принадлежности к признакам объективной стороны преступления. Публичная демонстрация произведения предполагает показ на экране созданного конечного продукта, например фильма или аудиокomпозиции, в то время как «публичная демонстрация» чаще связана с прямой трансляцией в режиме реального времени с использованием определенных цифровых средств (веб-сайтов и т. д.). Установлено, что термин «произведение» охватывается гражданским законодательством и включает различные виды интеллектуальной деятельности. В свою очередь, дефиниция «публичная демонстрация» является исключительно уголовно-правовой категорией. Комплексное исследование уголовно-правовых норм Особенной части Уголовного кодекса РФ позволило сделать вывод, что даже при невозможности вменения признака, связанного с публичной демонстрацией, не исключена квалификация по другому самостоятельному признаку, связанному с использованием средств массовой информации и сети Интернет. Выявлен ряд пробелов в правовой регламентации ответственности за отдельные преступные деяния, которые могут быть сопряжены с публичной демонстрацией.

Ключевые слова: публичная демонстрация; публично демонстрирующееся произведение; треш-стрим; признаки объективной стороны преступления.

Для цитирования: Савельева О.Ю. Уголовная ответственность за преступления, совершенные с публичной демонстрацией и публично демонстрирующимся произведением // Jus strictum. 2025. № 2. С. 15–21. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-2-61-2.

ВВЕДЕНИЕ

Особенная часть Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) на сегодняшний день насчитывает двадцать одну уголовно-правовую норму, содержащую термин «публичная демонстрация». Все их, в зависимости от интерпретации этой дефиниции, необходимо разделить на две группы.

Первая группа – это нормы, в которых предусмотрена ответственность за совершение преступления, сопряженного с публичной демонстрацией. Таких статей пятнадцать. Указанный признак входит в конструкцию либо основных составов преступлений (ст. 116, ч. 1, 2 ст. 242, ст. 242.1 УК РФ), либо квалифицированных (п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «и» ч. 2 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2 ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127.2, п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258.1, п. «б» ч. 3 ст. 260.1 УК РФ).

Хронологически процесс появления данного признака в перечисленных уголовно-правовых нормах по годам условно можно разбить на четыре этапа:

1) первый этап – 2012 г. Внесение Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ изменений в ст. 242, 242.1 УК РФ;

2) второй этап – 2017 г. Федеральным законом от 20.12.2017 № 412-ФЗ в новой редакции излагаются положения ст. 245 УК РФ и ч. 2 ст. 258.1 УК РФ;

3) третий этап – 2023 г. Федеральным законом от 14.04.2023 № 113-ФЗ в УК РФ включается ст. 260.1;

4) четвертый этап – 2024 г. Федеральным законом от 08.08.2024 № 218-ФЗ десять уголовно-правовых норм Раздела 7 УК РФ были дополнены соответствующим квалифицирующим признаком. Такой же признак, отягчающий наказание, был включен и в ч. 1 ст. 63 УК РФ (п. «т»).

Вторая группа преступлений – это шесть уголовно-правовых норм, в которых говорится о совершении посягательств посредством публично демонстрирующегося произведения. Это п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, ч. 2 ст. 128.1, ч. 1, 3 ст. 137, п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ. При этом в ч. 2 ст. 128.1,

ч. 1, 3 ст. 137 УК РФ указанный признак изначально является конструктивной составляющей данных преступлений.

В свою очередь, ч. 2 была включена в ст. 110 УК РФ Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ. Этим же законом была установлена ответственность за деяния, описанные в ст. 110.1, 110.2 и 151.2 УК РФ, в том числе за их квалифицированные разновидности, являющиеся предметом рассмотрения настоящей статьи.

Таким образом, в связи с одновременным использованием в УК РФ понятий «публичная демонстрация» и «публично демонстрирующееся произведение» возникает вопрос об их соотношении между собой. Ответить на него не так просто в связи с отсутствием законодательной формулировки обоих терминов. В полной мере не решил эту дилемму и Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ). Так, в абз. 2 п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3, которое и так на сегодняшний день устарело, поскольку ориентировано на положения ст. 129 УК РФ, утратившей силу еще в 2011 г. (в настоящее время ответственность за клевету установлена в ст. 128.1 УК РФ), дается только толкование термина «распространение». Точно так же и в постановлении Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 46 отсутствует понятие «публично демонстрирующегося произведения» применительно к ст. 137 УК РФ. В свою очередь, в абз. 3 п. 22 постановления Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 37 раскрывается сущность «публичной демонстрации» как составляющей ст. 242, 242.1 УК РФ.

В научной доктрине на основе положений абз. 3 п. 22 постановления Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 37 сформулировано определение «публичной демонстрации» как квалифицирующего признака убийства (п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ) [1], т. к. в постановление Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1 на этот счет не было внесено никаких дополнительных пояснений. При этом акцентируется внимание на отграничении данной дефиниции от «распространения» [2]. Отдельно анализируется основная составляющая «публичной демонстрации», так называемого «треш-стрима» – «интерактивного шоу» [3], «прямой трансляции действий в сети "Интернет"» [4], на видеохостингах за деньги [5], «потокowego видео или аудио, содержащего провокационный контент насильственного характера» [6].

Цель исследования – сопоставление уголовно-правовых норм УК РФ, содержащих термины «публичная демонстрация» и «публично демонстрирующееся произведение», для выявления сходств и различий между ними; выработка рекомендаций по квалификации отдельных преступных деяний, совершаемых путем публичной демонстрации или с использованием публично демонстрирующегося произведения; внесение предложений по изменению положений УК РФ и постановлений Пленума ВС РФ.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для уяснения сущности терминов «публичная демонстрация» и «публично демонстрирующееся произведение» проводился сравнительно-правовой анализ положений уголовного и гражданского законодательства, а также постановлений Пленума ВС РФ. Путем систематизации основных характеристик данных терминов

выделены их отличительные критерии. Рекомендации по совершенствованию законодательства сформированы в результате анализа и обобщения доктринальных источников и материалов судебной-следственной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Соотношение понятий «публичная демонстрация» и «публично демонстрирующееся произведение»

Прежде всего необходимо обратить внимание на сущность «публично демонстрирующегося произведения», поскольку, как отмечено выше, применительно к уголовно-правовым отношениям оно не сформулировано ни на законодательном уровне, ни на уровне высших органов судебной власти.

Ключевым элементом здесь является термин «произведение», сущность которого разъясняется в гражданском законодательстве.

Так, исходя из положений ст. 1225, 1228 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) произведение представляет собой результат интеллектуальной деятельности автора-гражданина, творческим трудом которого оно создано, с распространением на него правовой охраны (интеллектуальной собственности).

Виды произведений перечислены в ч. 1 ст. 1259 ГК РФ. В частности, к ним относятся литературные, музыкальные и аудиовизуальные произведения. В свою очередь, согласно ст. 2 Бернской Конвенции от 09.09.1886, в состав литературного произведения входят книги, брошюры, лекции, обращения и т. д. Категорию «аудиовизуальные произведения» образуют кинематографические произведения, теле- и видеофильмы (ч. 1 ст. 1263 ГК РФ).

Из положений пп. 3 п. 2 ст. 1270 ГК РФ следует, что «публично демонстрирующееся произведение» – это публичный показ его оригинала или экземпляра на экране при помощи различных средств: пленки, диапозитива, телевизионного кадра или иных технических средств. В п. 1 Порядка, утвержденного приказом Министерства культуры РФ от 21.05.2024 № 942, применительно к фильму (аудиовизуальному произведению) указано, что его показ осуществляется в кинозале или другими техническими способами. Так, к примеру, при совершении преступлений по ст. 128.1, 137 УК РФ публичная демонстрация произведений может заключаться в показе кинофильмов, сюжет которых содержит информацию, порочащую честь и достоинство личности, либо разглашает ее личную тайну.

Таким образом, различия между двумя рассматриваемыми категориями заключаются в следующем.

Во-первых, «публично демонстрирующееся произведение» – это всегда показ отснятого, конечного продукта. В свою очередь, «публичная демонстрация» в большинстве случаев представляет собой показ материалов в прямом эфире (прямая трансляция).

Во-вторых, суть «публичной демонстрации» выражается в съемке процесса совершения преступного деяния, одновременно транслируемого в прямом эфире, либо в размещении информации (сведений, материалов) с уже оконченным преступным деянием. Так, еще на стадии рассмотрения законопроекта № 506240-8 (впоследствии Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ) в отзыве ВС РФ от 13.09.2023 № 4-ВС-4557/23 была

дана рекомендация о корректировке формулировки п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ за счет указания именно на процесс осуществления преступной деятельности как составляющей публичной демонстрации¹.

В-третьих, к публично демонстрирующейся информации (сведениям, материалам) не применим термин «произведение» как не отвечающий требованиям гражданского законодательства.

В-четвертых, «публичная демонстрация» осуществляется не на экране (как показ произведения), а через специальные интернет-ресурсы: стриминговые сервисы, социальные сети и др.

Квалификация преступлений, связанных с публичной демонстрацией и публично демонстрирующимся произведением

Для правильной квалификации преступлений, сопряженных с «публичной демонстрацией», прежде всего необходимо ответить на вопрос о том, какой признак состава преступления характеризует данная дефиниция.

1. Начать необходимо с непосредственного объекта посягательства. Так, отталкиваясь от содержательной характеристики «публичной демонстрации», изложенной выше, когда виновный стремится эпатировать своих подписчиков, посетителей сайта и т. д. размещаемым контентом, необходимо сделать вывод о том, что преступная деятельность здесь направлена на общественные отношения, обеспечивающие охрану нравственности населения. Но при этом в деяниях гл. 25 УК РФ (ч. 1, 2 ст. 242, ст. 242.1, п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ) общественная нравственность составляет суть основного объекта посягательства, а во всех остальных составах – дополнительного. В преступлениях с признаком «публично демонстрирующееся произведение» в качестве объекта посягательства – основного (по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ) и дополнительного (по п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, ч. 1, 3 ст. 137 УК РФ) – выступают честь и достоинство личности, а также жизнь и здоровье несовершеннолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ).

2. Что касается того, к какому признаку объективной стороны следует относить «публичную демонстрацию» и «публично демонстрирующееся произведение», необходимо отметить следующее. В научной доктрине высказана позиция, что применительно к п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ и преступлениям против личности речь идет об обстановке совершения преступления [5; 6]. Но, однако, делается оговорка, что это касается только ситуации с прямым эфиром, так как при трансляции записи совершенного преступления речь должна идти о посткриминальном поведении виновного лица [5].

В части преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 258.1, п. «б» ч. 3 ст. 260.1 УК РФ, исследования не конкретизируют, к какому признаку состава преступления следует отнести содержащийся в них критерий «публичная демонстрация» [7; 8]. Вместе с тем, исходя из сущности общественно опасных деяний, описанных в диспозициях ч. 1 ст. 258.1, ч. 1 ст. 260.1 УК РФ, следу-

ет, что и в данном случае публичная демонстрация отражает обстановку, в условиях которой совершались данные посягательства. Чего не скажешь о преступлениях по ст. 242, 242.1 УК РФ. Здесь публичная демонстрация характеризует один из видов альтернативного действия, путем которого осуществляется оборот порнографических материалов [9; 10].

3. Прослеживается определенная взаимосвязь «публичной демонстрации» и «особой жестокости» в тех составах преступления, где присутствуют оба этих признака. Это ст. 105, 111, 112, 117 УК РФ. Исходя из позиции Пленума ВС РФ, изложенной в двух постановлениях от 27.01.1999 № 1 (абз. 2 п. 8) и от 04.12.2014 № 16 (абз. 2 п. 11), как особая жестокость рассматривается совершение преступления в присутствии близких лиц жертвы, в частности родственников. В таком случае, как и при «публичной демонстрации», речь идет не о способе, а об обстановке совершения преступления, в условиях которой умысел виновного направлен на причинение особых страданий именно присутствующим лицам. Но можно представить ситуацию, когда близкие вынуждены наблюдать процесс посягательства в прямом эфире, например, в случае лишения жизни похищенного во время трансляции по видеосвязи. Степень причиняемых страданий при таком «виртуальном» присутствии будет не меньшей, а может быть, в чем-то и большей, чем при физическом, непосредственном нахождении в месте совершения убийства, в силу осознания близкими лицами невозможности каким-либо образом воспрепятствовать реализации преступником умысла.

Таким образом, прямая трансляция процесса совершения преступлений, предусмотренных ст. 105, 111, 112 и 117 УК РФ, которая специально ведется для близких потерпевшему лиц, несмотря на причиняемые им вследствие этого особые страдания и мучения, исходя из действующей редакции абз. 2 п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 г. № 1 не может расцениваться как особая жестокость.

4. Особого внимания заслуживает преступление, предусмотренное ст. 126 УК РФ, которое также содержит квалифицирующий признак «публичная демонстрация». Здесь необходимо учитывать наличие специального основания освобождения от уголовной ответственности, содержащегося в примечании к данной норме. В силу отсутствия самостоятельной ответственности для треш-стримеров, добровольное освобождение потерпевшего после прямой трансляции похищения или размещения видео в сети Интернет полностью освобождает виновного от уголовной ответственности. Однако в таком случае остается без правовой оценки факт причинения вреда чести и достоинству потерпевшего, а также нравственному здоровью окружающих. Для устранения данного пробела требуется внесение изменений в примечание к ст. 126 УК РФ, запрещающих освобождение от уголовной ответственности при сопряжении похищения с публичной демонстрацией.

Необходимо также обратить внимание на схожую со ст. 126 УК РФ норму – ст. 206 УК РФ, в которой установлена ответственность за захват заложника. Здесь в большей степени, по сравнению с похищением человека, может проявляться элемент публичности. Более того, как отмечается в доктрине, именно для преступления по ст. 206 УК РФ характерно афиширование факта

¹ Письмо Верховного Суда РФ от 13 сентября 2023 г. № 4-ВС-4557/23 «Официальный отзыв на проект федерального закона № 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/77097332/>.

захвата и насильственного удержания потерпевшего [12]. Следовательно, и прямая трансляция здесь вероятнее, чем при похищении человека. Однако соответствующий квалифицирующий признак в ст. 206 УК РФ отсутствует. При этом данной нормой охватывается и факт убийства заложника, что также делает положения данной нормы неравноценными ч. 2 ст. 105 УК РФ, в которую включен признак «публичной демонстрации».

5. Что касается «публично демонстрирующегося произведения», то во всех составах преступления, где предусмотрен данный признак, он отражает способ совершения преступления, что необходимо рассматривать как еще один отграничительный критерий от понятия «публичной демонстрации». При этом данные преступления также могут быть сопряжены с прямой трансляцией или размещением записи в сети Интернет.

Так, в республике Калмыкия в настоящее время возбуждено уголовное дело по ст. 110 УК РФ после того, как 14-летний школьник из села Садовое покончил с собой в результате издевательств со стороны семи подростков, которые оскорбляли его, избивали, плевали и вытирали об него ноги. Все происходящее было снято на видео и размещено в местных молодежных сетях. После этого потерпевший сказал своему другу, «что ему невыносимо жить с этим позором, зная, что видео распространилось по всей школе. Он признался другу, что больше не видит смысла в жизни»². В такой ситуации должен вменяться п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ по признаку совершения в «информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)», а не «публично демонстрирующееся произведение».

В этой связи целесообразно также остановиться на преступлениях, предусмотренных ч. 3, 4 ст. 354.1 УК РФ, устанавливающих ответственность за три формы противоправных действий (осквернение, оскорбление и унижение), совершенных публично и направленных на общественные отношения, охраняющие такие традиционные для РФ «духовно-нравственные ценности, как патриотизм, историческая память и преемственность поколений» [11]. Подобного рода посяательства, особенно в преддверии 9 Мая и непосредственно в день празднования Дня Победы, совершаются регулярно. При этом в ч. 4 ст. 354.1 УК РФ не содержится признака «демонстрации» в каком-либо значении. Соответственно, в случае ведения прямой трансляции или размещения видео после совершения действий, описанных в диспозиции ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, должен вменяться признак, указывающий на использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (далее – использование СМИ либо ИТС, в том числе сети Интернет), закрепленный в ч. 4 ст. 354.1 УК РФ.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

1. Нельзя согласиться с мнением, что общественная нравственность в преступлениях Раздела 7 УК РФ, со-

пряженных с публичной демонстрацией, относится к факультативному объекту [5]. Исходя из позиции, давно сформированной в научной доктрине, факультативный объект отнесен к необязательному признаку состава преступления (несамостоятельному признаку объекта) [13–15]. Однако в рамках составов преступлений Раздела 7 УК РФ публичная демонстрация является признаком, влияющим на квалификацию деяния. Следовательно, как было отмечено ранее, здесь необходимо говорить о наличии дополнительного объекта посяательства, т. е. объекта, которому обязательно причиняется вред или создается угроза причинения вреда наряду с основным объектом [13; 16].

2. Термины «публичная демонстрация» и «публично демонстрирующееся произведение» – это не тождественные определения. Они отражают разные признаки объективной стороны преступления.

Вместе с тем не все авторы относят публичную демонстрацию к обстановке совершения преступления. Есть и те, которые считают, что здесь речь идет о месте преступления – «Это только прямой эфир в сети...» [17, с. 141]. Однако такое утверждение не согласуется с пониманием данной дефиниции, выработанной в науке на основе положений нескольких постановлений Пленума ВС РФ. Так, в п. 19 постановления Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 37 место преступления с использованием сети Интернет определяется как территория, на которой использовалось компьютерное устройство для размещения противоправной информации. Соответственно, и в доктрине место преступления понимается как часть пространства, в пределах которого в конкретный промежуток времени осуществляется преступное деяние [18], с возможностью его установления по географическим координатам [19]. Таким образом, применительно к преступлениям, сопряженным с публичной демонстрацией, место преступления – это не прямой эфир, а та территория (жилище, помещение, улица и т. д.), где совершается само общественно опасное деяние.

3. В силу того, что публичная демонстрация относится к признакам объективной стороны, один из авторов поднимает резонный вопрос о квалификации действий лица, которое, к примеру, непосредственно в лишении жизни жертвы не участвовало, но осуществляло съемку и прямую трансляцию [1]. Опираясь на разъяснения, содержащиеся в п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999, автор приходит к выводу, что, несмотря на выполнение части объективной стороны, такие действия как соисполнительство квалифицироваться не будут [1].

Но если речь идет не об убийстве, а о похищении человека? В соответствии с п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2019 № 58 соисполнителем является соучастник, выполнивший часть объективной стороны данного преступления. Соответственно, им может являться и лицо, осуществлявшее публичную демонстрацию похищения.

4. В составах преступлений по ст. 242, 242.1 УК РФ предусмотрены два самостоятельных признака – публичная демонстрация и использование СМИ либо ИТС, в том числе сети Интернет. То же самое можно сказать и о преступлениях, сопряженных с публично демонстрирующимся произведением.

² Набаткина К., Верста Д. Нанести травлю: следствие изучает причины самоубийства подростка в Калмыкии // Известия. URL: <https://iz.ru/1857409/ksenii-nabatkina/prichinit-travlyu-sledstvie-izuchit-prichiny-samoubijstva-podrostka-v-kalmykii>.

В остальных общественно опасных деяниях, совершаемых путем публичной демонстрации, использование СМИ либо ИТС, в том числе сети Интернет, является составляющим элементом данного признака, т. е. они задействуются именно в момент прямого эфира или после него. В этой связи в одном из научных исследований справедливо указывается на то, что в случае совершения таких посягательств, в частности группового убийства с использованием соучастниками сети Интернет для взаимодействия друг с другом, содеянное не может расцениваться как публичная демонстрация [20].

Данная уголовно-правовая коллизия может быть разрешена при разделении «публичной демонстрации» и «использования СМИ либо ИТС, в том числе сети Интернет» в составах преступлений, предусмотренных ст. 105, п. «и» ч. 2 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2 ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127.2, п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258.1, п. «б» ч. 3 ст. 260.1 УК РФ на два самостоятельных признака.

5. В научной доктрине высказано предложение о необходимости дополнения ст. 131–135 УК РФ признаком «публичная демонстрация» [5], что представляется нецелесообразным в силу того, что подобного рода ситуации и так получают должную правовую оценку.

Совершение полового акта, иных действий сексуального характера, демонстрируемых в прямом эфире, а также размещение соответствующего видео в сети Интернет в судебной практике квалифицируется по совокупности со ст. 242, 242.1 УК РФ. Примером тому служит приговор Красноглинского районного суда г. Самара в отношении четырех жителей Самарской области. Они были осуждены в 2022 г. по ст. 126, 162, 163, 137, 132 и 242 УК РФ за то, что, похитив в 2021 г. жительницу пос. Берёза, вывезли ее в лес, где вначале отобрали дорогостоящий смартфон, затем совершили в отношении жертвы действия сексуального характера, снимая этот процесс на видеокамеру телефона с целью последующего шантажа³.

В то же время заслуживает внимание позиция о дополнении ст. 156 УК РФ квалифицирующим признаком, указывающим на публичную демонстрацию [5]. Данная норма по большинству критериев схожа с положениями ст. 117 УК РФ, в которой такой признак присутствует. Внесение соответствующего дополнения оправданно, поскольку случаи размещения в сети Интернет как истязаний детей, так и жестокого с ними обращения нередки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Положения постановления Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3 в части разъяснений об уголовно наказуемой клевете требуется привести в соответствие с действующей ст. 128.1 УК РФ.

2. Абз. 2 п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1 должен быть дополнен указанием на то, что особая жестокость также может выражаться

в публичной демонстрации убийства близким потерпевшему лицам при установлении направленности умысла на причинение им особых страданий.

3. Необходимо дополнить примечание к ст. 126 УК РФ запретом на освобождение от уголовной ответственности, если действия виновного были сопряжены с публичной демонстрацией.

4. Целесообразно дополнить ч. 2 ст. 206 УК РФ пунктом «и» следующего содержания: «Совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)». Примечание к ст. 206 УК РФ изложить в новой редакции, аналогичной предложенной по ст. 126 УК РФ.

5. Ч. 2 ст. 156 УК РФ должна быть дополнена квалифицирующим признаком, указывающим на публичную демонстрацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яни П.С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях // Законность. 2025. № 2. С. 33–36. EDN: [XHXOUC](#).
2. Капитонова Е.А. Пранки, треш-стримы и другие новые формы девиантных действий, совершаемых в погоне за популярностью: проблемы квалификации // Уголовное право. 2024. № 2. С. 24–34. EDN: [NFXPVU](#).
3. Полунина Е.Н., Антонова А.В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // Закон и право. 2021. № 3. С. 90–91. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-3-90-91](#).
4. Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 202–210. DOI: [10.17803/19941471.2021.127.6.202-210](#).
5. Пестерева Ю.С., Тимошенко С.Е. Уголовно-правовые, криминологические, криминалистические аспекты публичной демонстрации преступлений против личности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 4. С. 596–608. DOI: [10.19073/2658-7602-2024-21-4-596-608](#).
6. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Законность. 2024. № 3. С. 33–38. EDN: [NYOZQS](#).
7. Жевлаков Э.Н. Экологические и альтернативно-экологические преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных систем // Уголовное право. 2024. № 5. С. 32–39. EDN: [PXPRQM](#).
8. Жевлаков Э.Н. Статья 260.1 УК РФ: сложности применения и уголовно-правовая характеристика преступления // Уголовное право. 2023. № 9. С. 3–10. EDN: [GXVUWH](#).
9. Шарапов Р.Д. Умысел при распространении порнографии в сети Интернет // Уголовное право. 2024. № 9. С. 47–59. EDN: [TEJJAS](#).
10. Хилтунов Н.Н. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 242 УК // Законность. 2024. № 6. С. 45–49. EDN: [BRZAAH](#).

³ В Самарской области вынесли приговор четырем парням за похищение, изнасилование, разбой и оборот порнографии // Рамблер/новости. URL: https://news.rambler.ru/crime/49702498/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

11. Бессонов А.А. Криминалистика на защите российских традиционных духовно-нравственных ценностей // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 17–26. DOI: [10.61205/jrp.2025.1.2](https://doi.org/10.61205/jrp.2025.1.2).
12. Жиров Р.М. Похищение человека и захват заложника: проблемы разграничения // Закон и право. 2022. № 4. С. 127–129. DOI: [10.24412/2073-3313-2022-4-127-129](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-4-127-129).
13. Карабанова Е.Н. Понятие и структура объекта в многообъектных составах преступлений // Государство и право. 2018. № 6. С. 23–28. DOI: [10.7868/S0132076918060033](https://doi.org/10.7868/S0132076918060033).
14. Улезько С.И. Классификация объектов преступления // Общество и право. 2013. № 4. С. 70–74. EDN: [RUYAFN](https://elibrary.ru/ruyafn).
15. Мальцев В.В. Виды непосредственного индивидуального объекта преступления // Уголовное право. 2012. № 1. С. 58–64. EDN: [OUXAIX](https://elibrary.ru/ouxaix).
16. Тараканов И.А., Пичугин С.А. Классификация объектов преступления: теоретические аспекты // Пени-тенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2017. № 4. С. 82–86. EDN: [YOTEJY](https://elibrary.ru/yotejy).
17. Рахманова Е.Н., Берестовой А.Н., Цветков П.В. Треш-стрим – форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1. С. 137–143. DOI: [10.35750/2071-8284-2023-1-137-143](https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-137-143).
18. Горобец Д.Г. Место совершения преступления и момент его окончания по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов // Правда и закон. 2021. № 2. С. 26–35. EDN: [IWCKXL](https://elibrary.ru/iwckxl).
19. Багаутдинов Ф.Н. Место совершения преступления: корректировка традиционных подходов // Законность. 2024. № 3. С. 60–65. EDN: [KKWKPI](https://elibrary.ru/kkwkpi).
20. Ермолович Я.Н. Новое обстоятельство, отягчающее наказание, в уголовном законодательстве России (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. 2025. № 1. С. 67–74. EDN: [RMENKP](https://elibrary.ru/rmenkp).
5. Pestereva Yu.S., Timoshenko S.E. Criminal-legal, criminological, and forensic aspects of the public demonstration of crimes against individuals on the Internet. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 2024, vol. 21, no. 4, pp. 596–608. DOI: [10.19073/2658-7602-2024-21-4-596-608](https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-4-596-608).
6. Sharapov R.D. Qualification of crimes committed with the use of information and telecommunication networks. *Zakonnost*, 2024, no. 3, pp. 33–38. EDN: [NYOZQS](https://elibrary.ru/nyozqs).
7. Zhevnikov E.N. Environmental and alternative environmental crimes committed with the use of mass media, electronic or information and telecommunication systems. *Ugolovnoe pravo*, 2024, no. 5, pp. 32–39. EDN: [PXPQOM](https://elibrary.ru/pxpqom).
8. Zhevnikov E.N. Art. 2601 of the Criminal Code of the Russian Federation: difficulties of application and criminal law characteristics of the crime. *Ugolovnoe pravo*, 2023, no. 9, pp. 3–10. EDN: [GXVUWH](https://elibrary.ru/gxvuwH).
9. Sharapov R.D. Intent in dissemination of pornography on the Internet. *Ugolovnoe pravo*, 2024, no. 9, pp. 47–59. EDN: [TEJJAS](https://elibrary.ru/tejjas).
10. Khiltunov N.N. Problems of qualification of crimes under Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Zakonnost*, 2024, no. 6, pp. 45–49. EDN: [BRZAAH](https://elibrary.ru/brzaah).
11. Bessonov A.A. Criminalistics in defence of Russian traditional spiritual and moral values. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2025, no. 1, pp. 17–26. DOI: [10.61205/jrp.2025.1.2](https://doi.org/10.61205/jrp.2025.1.2).
12. Zhiron P.M. Kidnapping and hostage-taking: problems of differentiation. *Zakon i pravo*, 2022, no. 4, pp. 127–129. DOI: [10.24412/2073-3313-2022-4-127-129](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-4-127-129).
13. Karabanova E.N. The concept and the structure of an object in a multi-object corpus delicti. *Gosudarstvo i pravo*, 2018, no. 6, pp. 23–28. DOI: [10.7868/S0132076918060033](https://doi.org/10.7868/S0132076918060033).
14. Ulezko S.I. Classification of objects of crime. *Obshchestvo i pravo*, 2013, no. 4, pp. 70–74. EDN: [RUYAFN](https://elibrary.ru/ruyafn).
15. Maltsev V.V. Types of immediate individual object of a crime. *Ugolovnoe pravo*, 2012, no. 1, pp. 58–64. EDN: [OUXAIX](https://elibrary.ru/ouxaix).
16. Tarakanov I.A., Pichugin S.A. Classification of objects of the crime: theoretical aspects. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika*, 2017, no. 4, pp. 82–86. EDN: [YOTEJY](https://elibrary.ru/yotejy).
17. Rakhmanova E.N., Berestovoy A.N., Tsvetkov P.V. Thrash-streaming as a form of online aggression: a criminal law analysis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2023, no. 1, pp. 137–143. DOI: [10.35750/2071-8284-2023-1-137-143](https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-137-143).
18. Gorobets D.G. The place of the crime and the time of its completion on criminal cases of tax evasion. *Pravda i zakon*, 2021, no. 2, pp. 26–35. EDN: [IWCKXL](https://elibrary.ru/iwckxl).
19. Bagautdinov F.N. Locus delicti: correction of the traditional approach. *Zakonnost*, 2024, no. 3, pp. 60–65. EDN: [KKWKPI](https://elibrary.ru/kkwkpi).
20. Ermolovich Ya.N. New circumstance aggravating punishment in the criminal legislation of Russia (scientific and practical commentary to the Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” dated August 8, 2024 No. 218-FZ). *Pravo v Vooruzhennykh Silakh*, 2025, no. 1, pp. 67–74. EDN: [RMENKP](https://elibrary.ru/rmenkp).

REFERENCES

1. Yani P.S. Crime with public demonstration thereof in the mass media or information and telecommunication networks. *Zakonnost*, 2025, no. 2, pp. 33–36. EDN: [XHXOUC](https://elibrary.ru/xhxouc).
2. Kapitonova E.A. Pranks, trash streams and other new forms of deviant actions committed in pursuit of popularity: problems of qualification. *Ugolovnoe pravo*, 2024, no. 2, pp. 24–34. EDN: [NFXPVU](https://elibrary.ru/nfxpvu).
3. Polunina E.N., Antonova A.V. Responsibility for “trash-stream” on the internet. *Zakon i pravo*, 2021, no. 3, pp. 90–91. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-3-90-91](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-3-90-91).
4. Gracheva Yu.V., Malikov S.V. Trash stream: social conditioning of criminalization. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2021, vol. 16, no. 6, pp. 202–210. DOI: [10.17803/19941471.2021.127.6.202-210](https://doi.org/10.17803/19941471.2021.127.6.202-210).

Criminal liability for crimes committed with public display and publicly displayed work

Olga Yu. Savelyeva, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: saveleva_olga@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5214-4968>

Received 29.05.2025

Revised 31.05.2025

Accepted 16.06.2025

Abstract: The choice of the topic of this paper is caused by the growing number of cases of public and demonstrative commission of crimes using mass media and the Internet, which is reflected in the activities on editing criminal legislation norms, aimed at increasing the effectiveness of the fight against these socially dangerous phenomena. This study is aimed at comparing and analyzing the concepts of public display and publicly displayed work to identify similarities and differences between these terms, developing recommendations for their correct application in the qualification of crimes in law enforcement activities, as well as making proposals to amend the criminal legislation. The results of the study show that the concepts of public display and publicly displayed work differ significantly in their content and belonging to the signs of the objective side of the crime. Public display of a work involves showing on the screen the created final product, such as a film or audio composition, while public display is more often associated with a live stream in real time using certain digital means (websites, etc.). It has been found that the term “work” is covered by civil legislation and includes various types of intellectual activity. In turn, the definition of public display is an exclusively criminal-legal category. A comprehensive study of the criminal-legal norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation allowed concluding that even if it is impossible to impute an attribute related to public display, qualification according to another independent attribute related to the use of mass media and the Internet is not excluded. A number of gaps in the legal regulation of liability for individual criminal acts that may be associated with public display have been identified.

Keywords: public display; publicly displayed work; trash stream; signs of the objective side of the crime.

For citation: Savelyeva O.Yu. Criminal liability for crimes committed with public display and publicly displayed work. *Jus strictum*, 2025, no. 2, pp. 15–21. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-2-61-2.

Уголовно-процессуальная научная терминология: юридическое содержание и его словесное оформление

Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института
Уфимский университет науки и технологий, Уфа (Россия)
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

E-mail: aatar@mail.ru

Поступила в редакцию 19.05.2025

Пересмотрена 26.05.2025

Принята к публикации 11.06.2025

Аннотация: Уголовно-процессуальная терминология – это словесное выражение всех законодательных предписаний, всех авторских мыслей, связанных с толкованием закона, обсуждением правоприменительной и право-защитной практики, это предмет и содержание всех уголовно-процессуальных научных дискуссий. Юридическое содержание всех уголовно-процессуальных терминов неотделимо от его словесной формы. И то, и другое должно адекватно отражать авторские мысли, соответствовать друг другу и быть пригодным для восприятия и правильного понимания как минимум профессиональной читательской аудиторией. На конкретных примерах из научных трудов и с использованием общедоступных словарей русского языка в статье показано, что для правильного выражения и понимания авторских уголовно-процессуальных текстов одинаково вредны как их чрезмерное упрощение за счет введения в них профессиональных жаргонизмов и иных разговорных элементов, так и намеренное, явно избыточное усложнение авторских текстов научной, главным образом иноязычной терминологией, иногда с искажением ее действительного значения. Использование для выражения авторской уголовно-процессуальной мысли нарочито сложных лингвистических конструкций, перегруженных далекими от текстов законов и правоприменительной практики терминами, по мысли авторов, обычно нацелено на придание их текстам индивидуальности и признаков некой интеллектуальной элитарности. Однако на деле это оборачивается прямо противоположным – стилистической вычурностью и излишним многословием, затрудняющим восприятие написанного профессиональной читательской аудиторией и способным причинять вред научной репутации автора.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная терминология; язык уголовно-процессуального закона; профессиональные жаргонизмы; уголовный процесс; уголовно-процессуальный статус; подозреваемый; обвиняемый; фигурант; признательные показания; уголовное дело; расследование; право на защиту; признание вины; показания обвиняемого.

Для цитирования: Тарасов А.А. Уголовно-процессуальная научная терминология: юридическое содержание и его словесное оформление // Jus strictum. 2025. № 2. С. 22–30. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-2-61-3.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовно-процессуальная наука, как и любая другая гуманитарная наука, существует в словах, словосочетаниях и предложениях, выражающих авторские идеи, версии, тезисы и аргументы. Поэтому теоретический и практический профессиональный интерес к любой уголовно-процессуальной проблеме – это, в конечном счете, интерес к словесной форме, в которой выражено юридическое содержание тех или иных авторских мыслей, поскольку других форм выражения этих мыслей просто не существует. Сказанное характерно для права вообще, а потому лингвистическая составляющая юридической коммуникации всегда привлекала внимание специалистов и в общей теории права [1], и в отраслевых юридических науках [2].

Юридическая научная терминология, таким образом, это концентрированная и упорядоченная юридическая мысль, которая непременно, при всей авторской индивидуальности представлений о праве и правовой реальности, должна быть максимально универсальной,

чтобы хотя бы относительно сходно пониматься всеми участниками профессионального обсуждения юридических научных проблем.

Для уголовно-процессуальной научной литературы средством такой универсализации авторской письменной и устной речи служит терминология уголовно-процессуального и смежного с ним законодательства. В толковании законодательных терминов, возможно, и заключается значительная часть уголовно-процессуальной науки, если не вся наука в целом [3; 4]. К универсальности и возможности однозначного понимания самой законодательной терминологии у специалистов всегда были и всегда будут претензии, и критика действующего закона – это всегда оценочные суждения по поводу использования в законе тех или иных юридических терминов в том или ином их сочетании, в том или ином лексическом окружении. И тем не менее не существует более пригодного средства оценки корректности научной уголовно-процессуальной терминологии, нежели сравнение ее с законодательной терминологией

и толкование того и другого в соответствии с общим системным смыслом уголовно-процессуального регулирования, метко названным Л.В. Головкин «уголовно-процессуальной инфраструктурой» [5].

Уголовно-процессуальная терминология сама по себе является достойным предметом самостоятельного междисциплинарного филолого-юридического научного исследования. Ее анализ позволяет: а) максимально точно определить юридическое содержание авторских уголовно-процессуальных идей; б) оценить эти идеи на предмет соответствия действующему уголовно-процессуальному закону и его системному смыслу; в) выявлять причины и исторический контекст возникновения конкретных авторских идей и концепций; г) выявлять тенденции и перспективы развития уголовно-процессуальной науки.

Цель исследования – выявить и проанализировать некоторые особенности современной уголовно-процессуальной научной терминологии и оценить конкретные терминологические обороты, используемые в литературе, с точки зрения соответствия содержания юридических идей, заложенных в них по авторскому замыслу, уголовно-процессуальному закону и нормам русского литературного языка, определить причины и предложить способы преодоления выявленных несоответствий.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методами структурно-системного анализа и синтеза определены характерные черты современной уголовно-процессуальной научной терминологии: ориентация на терминологию действующих нормативно-правовых предписаний, отражение стиля делового общения в правоприменительной практике и претензия на культурную элитарность. Сравнительный анализ фрагментов научных текстов, текста уголовно-процессуального закона, лексического значения конкретных слов и выражений, использованных в этих текстах, позволяет выявить две противоположные, крайние, а потому равно нежелательные тенденции: чрезмерное упрощение уголовно-процессуальной научной терминологии вплоть до внедрения в нее профессиональных жаргонизмов либо, наоборот, искусственное ее усложнение путем насыщения тяжелыми для восприятия лингвистическими конструкциями. Формально-логический метод позволил проанализировать авторские суждения и умозаключения на предмет соответствия юридическому содержанию и лингвистической формы – т. е. корректности употребления конкретных слов и выражений при формулировании тезисов и построении систем их аргументации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

1. Характерные черты современной уголовно-процессуальной научной терминологии

Как уже отмечалось, уголовно-процессуальная научная терминология нередко выступает самостоятельным объектом научных исследований. Определим некоторые характерные черты этой терминологии, которые отчасти сформировались и утвердились в течение нескольких столетий, а отчасти стали плодом современно-

го развития российского общества в целом, нашей национальной правовой системы, ее взаимодействия с правовыми системами других государств, закономерных эволюционных трансформаций в русском литературном и разговорном языке.

1.1. Ориентация на терминологию исследуемого нормативно-правового материала

Имеется в виду не только собственно уголовно-процессуальный кодекс, но и законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре, об оперативно-розыскной деятельности, о прокуратуре и т. д. Нельзя сказать, что терминология самих этих законов между собой абсолютно унифицирована, как нельзя сказать и того, что внутри самих этих законов существует абсолютное соответствие значения одинаково звучащих терминов. Так, например, термином «представление» в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) названы довольно далекие друг от друга юридические понятия: 1) обращение прокурора к вышестоящему суду с просьбой о пересмотре решения нижестоящего суда, что прямо указано в п. 27 ст. 5 УПК РФ, содержащей законодательные определения используемых в нем понятий; 2) не упомянутое в ст. 5 УПК РФ обращение в суд органов внутренних дел или учреждений, исполняющих наказания, по вопросам, связанным с исполнением приговора (п. 3 и 4.1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ). И то, и другое – это способ инициирования государственными органами судебного разбирательства по интересующему их вопросу. Но на этом смысловая связь между одинаково звучащими терминами заканчивается. В советском уголовно-процессуальном законодательстве первое называлось кассационным или надзорным протестом, что не создавало оснований для подобной терминологической путаницы.

Искусственное смешение одинаково звучащих терминов иногда попадает и в научную литературу, от которой справедливо ожидается более внимательное отношение к используемым терминам. В названии монографии «Назначение уголовного судопроизводства и наказания» [6] использовано слово, имеющееся в действующих уголовно-процессуальном (ст. 6 УПК РФ) и уголовном (ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) законах. Только означает это слово в каждом из них очень разные понятия с весьма условной смысловой связью. Назначение уголовного судопроизводства – это предназначение всего уголовного процесса, социальная миссия всей системы процедур производства по уголовному делу. Назначение наказания – это конкретная процедура определения судом меры наказания осужденному при вынесении обвинительного приговора, чему посвящена именно так названная гл. 10 УК РФ. Вне связи с этим значением уголовно-правового законодательного термина и без всяких оговорок на этот счет авторы монографии пишут в ней о назначении наказания как о «сложном юридическом социальном явлении», как об «одной из форм реализации уголовной ответственности» [6, с. 72] и т. д. Все эти характеристики сами по себе правильны, только с законодательным значением термина «назначение наказания» они никак не связаны. Утрируем смысловую поддержку, допускаемую при смешении разных значений одинаково звучащих юридических терминов, в таком

гипотетическом названии книги: «Заключение эксперта, прокурора и под стражу». Звучит довольно смешно, хотя термин «заключение» во всех перечисленных значениях в действующем УПК РФ имеется.

Нельзя не отметить тот факт, что слово «назначение» в ч. 2 ст. 6 УПК РФ использовано и в уголовно-процессуальном, и в уголовно-правовом значениях, да еще и в явно тавтологичной (с лингвистической точки зрения) формулировке: «Уголовное преследование и *назначение* виновным справедливого наказания в той же мере отвечают *назначению* (*курсив мой. – А. Т.*) уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных...». Редакцию текста закона в этой части тоже, к сожалению, нельзя назвать удачной, однако по иной причине, ибо законодательные термины здесь употреблены в собственных значениях.

1.2. Ориентация на общие исторические закономерности развития юридической терминологии вообще и уголовно-процессуальной в частности

В наибольшей степени это касается научных работ, посвященных истории юриспруденции и уголовного процесса в частности. Здесь одно только толкование оригинальной латинской юридической фразеологии с современных позиций позволяет формулировать интересные в профессиональном плане выводы и доброту их аргументировать [7]. Безусловный интерес для современного исследователя представляет и юрико-лингвистический анализ памятников уголовно-процессуального права, в которых аутентичная уголовно-процессуальная терминология конкретной исторической эпохи позволяет создать наиболее полное представление о теории и практике уголовного судопроизводства того времени [8].

1.3. Ориентация на стиль речевой коммуникации в правотворческой и правоприменительной практике

Едва ли может вызывать сомнения утверждение, что выводы исследователей должны быть выражены в каких-то понятных любому юристу, а желательно и просто любому грамотному человеку, лингвистических формах. Результаты научных исследований принято излагать в форме предложений по совершенствованию законодательства и практических рекомендаций, которые должны быть выражены в предельно кратких и однозначно понимаемых словесных формулах. Однако здесь представляется нелишним подчеркнуть, что и логическая цепочка рассуждений, приводящих к соответствующим умозаключениям, тоже должна быть проста и понятна для восприятия как минимум любого профессионала, а в идеальном варианте – для любого образованного человека. Далее на конкретных примерах покажем, что для современной научной литературы нередко характерно искусственное усложнение лингвистической формы текста, не обусловленное адекватной сложностью излагаемого юридического материала.

1.4. Притязания на некую элитарность стиля изложения юридического материала

В современных общетеоретических исследованиях подчеркивается, что правовая культура, как и культура вообще, делится на массовую и элитарную. Элитарную

правовую культуру представляет обычно относительно небольшой круг профессионалов теории и практики юриспруденции [9]. Если учесть, что культура всегда предполагает речевую коммуникацию между людьми, то главное проявление элитарности правовой культуры – это именно элитарный стиль общения – устного и письменного. Этому стилю по определению присуще более высокое литературное качество формулировок, предполагающее отказ от использования в них разговорных и просторечных элементов как минимум без специальных оговорок о контекстной необходимости такого использования. И здесь вновь осмелимся утверждать, что в современных научных текстах на искусственную демонстрацию элитарности иногда нацелено употребление нарочито сложных для восприятия речевых оборотов, иноязычных терминов и фразеологизмов, часто без видимой необходимости.

Приведенный перечень не претендует на абсолютную полноту. Особенности современной отечественной уголовно-процессуальной научной терминологии наверняка гораздо больше. В этом перечне представлены лишь те ее специфические черты, которые способны приобретать как позитивный, так и негативный вид в зависимости от того, насколько уместно и правильно используются те или иные лингвистические конструкции.

Рассмотрим негативные проявления лишь некоторых из этих особенностей на конкретных примерах из современной научной литературы, хотя каждой из таких особенностей можно посвятить отдельный научный труд.

2. Проникновение профессиональных жаргонизмов в современную уголовно-процессуальную научную терминологию

Отмеченная выше ориентация уголовно-процессуальной научной терминологии на правоприменительную практику имеет в качестве одного из своих проявлений использование в научных текстах слов и выражений, не имеющих отношения к закону и теории уголовного процесса, но получивших по тем или иным причинам распространение в правоприменительной и правозащитной практике. Иногда такое «переименование» выглядит абсолютно безобидно – как, например, название адвоката, работающего не по соглашению с участником процесса или с его родственниками, а по назначению органов расследования или суда, «бесплатным» или «государственным» адвокатом, хотя он совсем не бесплатный для федерального бюджета, а государственной адвокатуры в России и вовсе не существует.

Некоторые распространенные речевые обороты звучат двусмысленно: например, «дела небольшой или средней тяжести»¹ или «расследование уголовного дела»², хотя речь явно идет не о весе самих уголовных

¹ Русман Г.С. *Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023. 564 с. С. 15.*

² См. 1;

Багаутдинов Ш.Ф. *Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и против несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2024. 253 с.;*

Филишин А.С. *Англо-американская модель расследования уголовных дел: становление и современное состояние: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 20 с.*

дел. Да и расследуются вовсе не уголовные дела, т. е. папки с документами или какая-то совокупность процессуальных действий, оформленных этими документами, а преступления или преступная деятельность³ или какие-то события, имеющие предполагаемые признаки преступлений. Расследование же ведется «по уголовному делу (*курсив мой.* – А. Т.)». «Уголовное дело» – это не объект расследования, а совокупность действий людей в связи с расследованием преступлений и документальный результат такой деятельности. Поэтому, например, отдельные вопросы уголовного дела могут передаваться на разрешение в порядке гражданского судопроизводства [10], а объект самого уголовно-процессуального расследования до констатации отсутствия оснований для этого – нет. Названные здесь терминологические неточности, в принципе, не способны исказить смысл сказанного автором. Но бывает и по-другому.

Широко распространенный в правоприменительной практике, журналистике и бытовом общении профессиональный жаргонизм «признательные показания» нередко попадает в научные [11], в том числе и в диссертационные работы по уголовному процессу⁴ и криминалистике⁵. Иногда он используется в диссертациях в качестве основного авторского термина, в том числе и в «положениях, выносимых на защиту»⁶. В уголовно-процессуальном законе словосочетание «признательные показания» отсутствует. И не случайно: прилагательное «признательный» происходит от слова «признательность» (т. е. «благодарность»)⁷, а вовсе не от слова «признание», как иногда ошибочно предполагается. Однако здесь речь, как полагаем, идет не только о некорректности использования конкретной словесной формулы. В словосочетание «признательные показания» в отношении показаний подозреваемого или обвиняемого или подсудимого, признающих свою вину, заложен негативный смысл, обедняющий содержание и процессуальное значение самих показаний лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Для подозреваемых и обвиняемых дача показаний является главным средством защиты от подозрения и обвинения. Случай, когда эти участники процесса однозначно и в полном объеме признаются в том, в чем их подозревают или обвиняют, в реальной практике встречаются не так уж часто. Как правило, даже не отрицая сам факт участия в исследуемом событии, обвиняемый не согласен с уголовно-правовой оценкой этого события, имеет уважительные, с его точки зрения, причины и мотивы своих

действий в этих событиях и т. д. Однако клеймо «признательные» на его показаниях, во-первых, создает иллюзию абсолютного согласия с версией обвинения. Во-вторых, это клеймо создает почву для негативного отношения к обвиняемому, пытающемуся после дачи «признательных показаний» хоть как-то себя защитить, ссылаясь на названные выше уважительные причины, исключительные обстоятельства и особые мотивы собственного поведения. Сообщенные обвиняемым сведения нередко дают основания предположить и аффективное его состояние, вызванное поведением потерпевшего, и необходимую оборону, и многое другое, что способно поставить под сомнение правильность выдвинутого обвинения, притом что собственного участия в исследуемом событии обвиняемый не отрицал и не отрицает. Однако такие абсолютно естественные попытки себя защитить воспринимаются следствием, а вслед за ним нередко и судом по представлению обвинения как изменение позиции по делу, нацеленное на воспрепятствование расследованию. В собственной адвокатской практике автора такая ситуация была скорее правилом, чем исключением. Один из самых ярких примеров – склонение следователем обвиняемого к прекращению его уголовного дела по амнистии, т. е. по не реабилитирующему основанию, с напоминанием о том, что обвиняемый с самого начала не отрицал факта обоюдного нанесения ударов в драке с потерпевшим (т. е. давал «признательные показания»), что необходимо для прекращения уголовного дела по амнистии. При этом следователь абсолютно игнорировал тот установленный по делу факт, что потерпевший был вооружен металлической трубой, сам спровоцировал драку и первым нанес удар обвиняемому.

Известный специалист в области уголовно-процессуального права профессор П.А. Скобликов утверждает: «Давно замечено, что многие жаргонизмы с течением времени проникают в литературный язык и закрепляются в нем. Филологи должны успевать за этим процессом»⁸. С этим выводом трудно спорить, поскольку профессиональные жаргонизмы постепенно становятся частью юридического общения во всех его сферах и во всех странах. Современному следователю не надо специально разъяснять, что такое «доп» (и производный от него глагол «допнуть») или «дослед», означающие возвращение уголовного дела на дополнительное расследование. Многие практические работники знают, что такое «лицевые» и «фактовые» уголовные дела, возбужденные соответственно в отношении конкретного лица с одновременным появлением подозреваемого или «по факту» какого-то выявленного, но официально не раскрытого преступления. В последние годы в практике появилась известная всем аббревиатура «ППЛ» – преступления прошлых лет. Названные и иные подобные слова не подчиняются правилам формирования юридической научной терминологии, не имеют отношения к тексту закона и не характерны для русского литературного языка. Тем не менее они широко распространены на практике, а какие-то из профессиональных жаргонизмов попадают даже в текст закона: так появилось,

³ Калимуллин Д.И. Криминалистические особенности расследования занятия высшего положения в преступной иерархии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2024. 28 с.

⁴ Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023. 564 с. С. 93.

⁵ Калимуллин Д.И. Криминалистические особенности расследования занятия высшего положения в преступной иерархии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2024. 28 с. С. 10.

⁶ Иванышина А.Э. Уголовно-процессуальные средства стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2024. 228 с. С. 12, 23, 25, 37, 39, 40.

⁷ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: НОРИНТ, 2000. 1536 с. С. 978.

⁸ Скобликов П.А. Коррупция в России XXI века: неформальные термины и понятия. М.: Норма, 2023. 168 с. С. 12.

например, признанное в мировой юридической практике «отмывание денежных средств» (ст. 174 УК РФ). Иногда криминальный жаргон («вор в законе», «апельсин», «смотрящий» и т. п.), широко используемый в профессиональной речи сотрудников правоохранительных органов, попадает в научную литературу как особый и специально оговоренный объект самого научного исследования⁹.

В контексте данной статьи обратим внимание на другие случаи использования профессиональных жаргонизмов – не обусловленные содержанием научного исследования, специально не оговоренные, а просто составляющие элемент авторской письменной речи конкретного ученого. Приведем цитату из по-настоящему интересной межатраслевой научной работы П.А. Скобликова: «Решение суда о взыскании долга либо об отказе в этом не дает никаких правовых оснований для решения вопроса о наличии или отсутствии в действиях фигурантов уголовного дела (работников организации-должника) состава преступления» [12, с. 15]. Профессиональный жаргонизм «фигурант» в значении «подозреваемый» или «обвиняемый» или «лицо, подвергающееся уголовному преследованию» встречается и в других научных текстах¹⁰.

Прежде чем сделать вывод о допустимости использования этого жаргонизма в названных значениях, выясним, как оно толкуется в классических словарях русского языка, сохранив при этом в точности всю систему условных обозначений этих словарей и все приведенные в них лексические значения слова «фигурант», в том числе устаревшие, просторечные и вновь приобретенные в процессе развития языка в последние годы.

В советские годы в наиболее известных отечественных словарях это слово толкуется приблизительно одинаково, в одних случаях с указанием на его французское и латинское происхождение, в других – с пометкой «устаревшее». «Фигурант [фр. figurant лат. figurans (figurantis) делающий вид, представляющий] устар. 1) в балете – танцовщик, выступающий в кордебалете; 2) актер, исполняющий роли без слов, статист»¹¹. «Фигурант, -а, м. (устар). 1. Танцовщик групповых балетных выступлений. 2. То же, что статист»¹².

В наиболее известном академическом 4-томном издании Толкового словаря русского языка под редакцией профессора, члена-корреспондента Академии Наук СССР Д.Н. Ушакова помимо названных двух дополнительно приведено еще одно значение этого слова. «Фигурант, а, м. [латин. figurans – представляющий] 1. Танцовщик балета, выступающий только в групповых выступлениях (театр.). 2. Актер, играющий роль без слов, статист (театр.). 3. Кондитер, специалист по изготовлению художественно оформленных, фигурных

изделий»¹³. Такое же, классическое толкование этого слова воспроизводится и в существенно сокращенном и приспособленном к современным языковым реалиям относительно недавнем издании этого словаря¹⁴.

Суммируя вышесказанное, подчеркнем, что словом «фигурант» принято называть человека, не имеющего собственного права голоса, выполняющего роль статиста при ком-то или в какой-то группе, и непременно не действующего индивидуально, за исключением, пожалуй, только кондитера. Едва ли все эти характеристики приемлемо использовать в отношении лица, подвергающегося уголовному преследованию и наделенному в связи с этим правом на защиту от подозрения и обвинения, в том числе и для того, чтобы исключить осуждение невиновного и не позволить настоящему преступнику, воспользовавшись этой ошибкой, остаться безнаказанным.

Однако продолжим анализ лингвистической составляющей этого вопроса. В 2000-х годах авторы ряда словарей, будто бы прислушавшись к призыву некоторых юристов (выше приводилось такое суждение П.А. Скобликова) воспринять как часть правовой реальности проникновение в официальное профессиональное общение слов и выражений жаргонного происхождения, действительно отступают от классического толкования слова «фигурант». Приведем примеры и такого рода.

В Толковом словаре иноязычных слов Л.П. Крысина 2006 г. издания, рекомендованном к печати Институтом русского языка Российской академии наук, читаем: «Фигурант, а, м., одуш. [< фр. figurant статист, второстепенное лицо] 1. устар. Танцовщик групповых балетных выступлений. 2. То же, что статист. 3. юр. Тот, кто проходит по какому-н. уголовному делу в качестве обвиняемого, подозреваемого или свидетеля»¹⁵. Такое же толкование воспроизводится и в более позднем издании аналогичного иллюстрированного словаря этого же автора¹⁶. К одному из самых известных в СССР и в России ученых-филологов профессору Л.П. Крысину в данном случае нельзя предъявить претензий – специалист в области русского языка зафиксировал конкретный исторический фрагмент лингвистической реальности. Принципиально новой в названных словарях Л.П. Крысина, сохранившего и все ранее процитированные лексические значения интересующего нас слова, является отсылка к уголовному делу, по которому фигурант «проходит» в каком-то из перечисленных здесь процессуальных качеств. Однако совершенно очевидно, что отмеченные выше лингвистические особенности слова «фигурант», за которым Л.П. Крысин в своем словаре сохраняет статус бессловесного существа, в привязке к уголовному делу тоже сохраняются. «Проходить по уголовному делу» – это не то же самое, что быть активным субъектом правоотношений, участвовать в производстве по уголовному делу в качестве

⁹ См. 5.

¹⁰ Барова М.А. Уголовно-процессуальный механизм вынесения судебных решений в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. 290 с. С. 5.

¹¹ Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М.: Русский язык, 1989. 624 с. С. 539.

¹² Ожегов С.И. Словарь русского языка. Ок. 57 000 слов. / под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Русский язык, 1987. 750 с. С. 539.

¹³ Толковый словарь русского языка. Т. 4 / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. 1500 с. С. 1074.

¹⁴ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с. С. 721.

¹⁵ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с. С. 824.

¹⁶ Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2008. 846 с.

стороны с собственным правовым интересом. Восприняв саму идею придания профессиональному жаргонизму «фигурант» некоего обновленного лексического значения, Л.П. Крысин, будучи филологом, воспроизвел в этом обновленном качестве и эмоциональную составляющую, присущую всем жаргонным словам и выражениям. И в «обновленном» таким образом лексическом значении «проходящий по уголовному делу» обвиняемый, подозреваемый, свидетель (для филолога неважно, кто именно) остается все тем же официально зафиксированным «статистом», не имеющим собственного права голоса, объектом чужих властных полномочий и действий. К сожалению, именно такое отношение к людям, участвующим в уголовном деле, встречается на практике, и именно оно наиболее соответствует классическому значению слова «фигурант». Это слово автор статьи впервые услышал от коллег-следователей в конце 1980-х гг., но тогда невозможно было даже представить, что это слово когда-нибудь станет юридическим термином и в этом качестве попадет в научную литературу.

Тем не менее в 2000-е годы слово «фигурант» в обновленном значении стало толковаться в разных словарях, авторы которых воспроизводят классическое толкование слова, но дополняют его привязкой теперь уже не столько к уголовному делу, сколько к самому преступлению (для филологов, повторимся, это одно и то же, и предъявлять к ним претензии по этому поводу бессмысленно). «Фигурант, фигуранта, м. [франц. figurant лат. figurans (figurantis) делающий вид, представляющий] – 1) в балете – танцовщик в кордебалете; 2) актер на роли без слов, статист; 3) участник, свидетель преступления или противоправного действия. *Являться фигурантом по громкому делу*» (курсив оригинала)¹⁷. Последнее обстоятельство окончательно выводит явно чужеродное для юриспруденции слово «фигурант» за рамки уголовно-процессуальной терминологии, пригодной для использования в юридическом научном тексте: процессуальные статусы людей и правовые характеристики их деяний причудливым образом перемешаны между собой, а преступление и «громкое дело» отождествляются.

Подытоживая сказанное, подчеркнем, что даже самые распространенные в юридической практике разговорные элементы, тем более жаргонные слова и выражения, едва ли приемлемы в научных текстах, если их употребление не обусловлено предметом научного исследования и специально в связи с этим не оговорено автором. И дело здесь не только в эстетическом восприятии написанного, не только в естественном ожидании более высокого уровня культуры от научного общения в сравнении с обыденным и уж тем более просторечным. Дело в том, что жаргонизмы, как правило, искажают юридическое содержание написанного и сказанного, приучают аудиторию к «теневого» части правовой реальности как к чему-то само собой разумеющемуся.

3. Искусственное усложнение речевых конструкций в целях придания научным текстам большего наукообразия

Использование в научных текстах просторечных и разговорных оборотов, а также профессиональных

жаргонизмов способствует как бы упрощению этих текстов, как минимум созданию иллюзии приближения их к обыденной речи практикующих юристов и тех людей, с которыми эти юристы имеют дело в своей повседневной профессиональной деятельности. Однако в научных текстах встречается и прямо противоположная крайность – намеренное насыщение письменной речи сложными, многоступенчатыми речевыми конструкциями в целях придания этим текстам некой видимости большей научности, какого-то особого элитарного качества, недоступного пониманию большинства. Такой вариант лингвистического оформления уголовно-процессуальных научных текстов выглядит ничуть не более привлекательно, чем рассмотренный в предыдущем разделе.

Вчитаемся внимательно в следующую внешне вполне наукообразную фразу: «Как ведущие основополагающие положения всякого научного познания такие принципы выступают в своем монолитном единстве, но их можно представить и в виде некоторой системы»¹⁸. Нельзя сказать, что авторская мысль совсем не ясна: принципиальные правила могут исследоваться как в системе в целом, так и порознь, как отдельные элементы этой системы. Однако загадкой является то, зачем автору понадобилось использовать равнозначные в этом контексте слова «ведущие» и «основополагающие», обременять и без того трудное для восприятия предложение однокоренными словами «основополагающие положения», употреблять очевидный плеоназм (смысловое излишество) «монолитное единство», как будто единство может быть каким-то другим, не монолитным, и монолит может быть не единым. Но самое главное – совершенно не ясно, зачем автор помещает эту в целом довольно банальную мысль в таком тяжеловесном виде в «учебное пособие», задачей которого, как ожидается, является превращение сложного в простое, а не наоборот.

Особенно невыгодно намеренное усложнение речевых конструкций выглядит на фоне цитат из работ других авторов, в которых та же мысль выражена короче и яснее. Так, например, автор научной монографии сначала приводит точную и не нуждающуюся в дополнительном толковании цитату из знаменитого «Курса советского уголовного судопроизводства» М.С. Строговича (1968 г.): «Приговор должен быть убедителен – это значит, что гражданами, населением, общественностью он должен восприниматься как правильный, справедливый, должен убеждать их в правильности тех выводов, к которым пришел суд». Затем автор как бы поясняет собственную позицию по поводу сказанного М.С. Строговичем (далее сохраняем полностью орфографию оригинала, в том числе и явную опечатку «в права» вместо «в праве»): «Обратим внимание на указание, согласно которому приговор должен быть убедителен для общественности. Это замечание отражает принцип реализации правосознания в обществе с приоритетом публичного содержания в права, характерным для уголовно-процессуального закона и приоритетно проводящимся в жизнь при применении уголовного закона. Вместе с тем убедительность приговора должна определяться

¹⁷ Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т.В. Егорова. М.: Аделант, 2014. 800 с. С. 707.

¹⁸ Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск: Удмуртский Университет, 1993. 180 с. С. 18.

вне общественного похода к оценке, а выражаться в убедительности приговора как акта правоприменения по конкретному делу»¹⁹. Зачем понадобилось простую, верную по существу и понятную любому читающему мысль М.С. Строговича «пояснять» в столь замысловатых лингвистических формах, тоже осталось загадкой.

Наибольшие лингвистические странности выявляются при использовании в уголовно-процессуальных научных текстах даже очень высокого теоретического качества разного рода иноязычных слов и выражений, что само по себе, казалось бы, должно придавать научному тексту некие признаки элитарности и особой теоретической глубины.

Так, в докторской диссертации, посвященной криминалистической терминологии, обнаруживаем странное выражение «когнитивная наука»²⁰. Общеизвестное и широко представленное во многих научных текстах латинское слово *cognitio* означает «знание». Едва ли автор докторской диссертации настаивает на возможности существования науки *не-когнитивной*, т. е. науки *вне знания*. Но, видимо, хотелось выразить свою нехитрую авторскую мысль как-то «понаучнее».

Аналогично выглядит в диссертационной работе весьма неплохого юридического содержания, в т. ч. нескольких «положениях, выносимых на защиту», и в изложении содержания диссертации в автореферате крайне неудачное выражение «релевантно значимая» – об информации и сведениях²¹. Релевантный (от англ. *relevant*) – это и есть существенный, уместный для данных условий, наиболее приспособленный к потребностям пользователя, т. е. значимый. В лингвистике такое сочетание равнозначных слов, как уже отмечалось, называется плеоназмом²², который явно не украшает текст научного труда даже очень высокого научного качества.

То же можно сказать и об очень распространенных в научной литературе сочетаниях слова «оптимальный» латинского происхождения с русскими словами, призванными как-то усилить акцент на особой значимости конкретной авторской мысли – «наиболее» или «более», «такой», «самый» и т. п.²³ [13]. Повторимся: ценность самих авторских мыслей в большинстве подобных случаев под сомнение не ставится. В одном случае у авторов речь идет об оптимизации процедур производства в суде с участием присяжных заседателей – одной из самых обсуждаемых в юридической литературе во всем

мире²⁴. В другом – о балансе частных и публичных интересов в уголовном процессе²⁵, что является квинтэссенцией всего уголовно-процессуального регулирования. Однако у прилагательного «оптимальный» нет степеней сравнения, ибо латинское слово “*optimum*” означает «лучший», «наилучший». Известна латинская медицинская поговорка, приписываемая Авлу Корнелию Цельсу: “*Optimum medicamentum quies est*” – «Лучшее лекарство – это покой». Покой в этом качестве ни с чем не конкурирует и не сравнивается. И в юридической латинской фразеологии это слово широко используется в разных грамматических формах (“*optima*”, “*optimus*”), но всегда в неизменном значении какого-то превосходного, ни с чем не сравниваемого качества. Приведем пример, отчасти пригодный для изложенного выше контекста: “*Optimus interpretandi modus est sic leges interpretare ut leges legibus accordant*” – «Лучший способ толковать законы – чтобы законы согласовывались друг с другом»²⁶. С этим не поспоришь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулируем некоторые выводы.

1. Используемая в авторских текстах уголовно-процессуальная научная терминология не является исключительно произвольным авторским продуктом, поскольку она должна отвечать нескольким устоявшимся в процессе длительной эволюции юридического научного знания требованиям, позволяющим профессиональным юристам однозначно понимать друг друга и осознанно участвовать в научных дискуссиях.

2. Требования, предъявляемые к уголовно-процессуальной научной терминологии, можно условно разделить на две группы: а) требования, обусловленные развитием законодательной терминологии, так или иначе оцениваемой исследователями, но в любом случае не могущей быть игнорированной в научных текстах; б) требования, обусловленные развитием русского литературного языка и иных языков, к лексике которых обращаются авторы уголовно-процессуальных научных текстов.

3. Юридическое содержание уголовно-процессуальных научных текстов не существует и непригодно для адекватного восприятия их адресатами без качественного словесного оформления авторских мыслей, и научная репутация конкретных авторов формируется не только юридическим содержанием их трудов, но и литературным качеством авторских текстов.

4. Для литературного качества уголовно-процессуальных научных текстов одинаково вредны как чрезмерное их упрощение путем использования просторечных, разговорных и жаргонных элементов, так и нарочитое усложнение

¹⁹ Телятников В.И. *Убеждение судьи*. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 329 с. С. 210.

²⁰ Светличный А.А. *Криминалистическая терминология в теории и практике противодействия преступной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*. Калининград, 2024. 53 с. С. 8.

²¹ Количенко А.А. *Проблемы проверки и оценки электронных доказательств в современном уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Н. Новгород, 2023. 37 с.

²² Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. Ок. 57 000 слов. / под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Русский язык, 1987. 750 с. С. 423.

²³ Барова М.А. *Уголовно-процессуальный механизм вынесения судебных решений в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук*. Н. Новгород, 2014. 290 с.;

Насонов С.А. *Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: дис. ... д-ра юрид. наук*. М., 2022. 517 с.

²⁴ Насонов С.А. *Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*. М., 2022. 46 с. С. 29.

²⁵ Герцен П.О. *Реализация права на апелляционное обжалование и пересмотр промежуточных судебных решений, вынесенных в ходе досудебного производства: обеспечение баланса частных и публичных интересов: дис. ... канд. юрид. наук*. Томск, 2023. 243 с. С. 52, 186.

²⁶ Латинская юридическая фразеология / сост. Б.С. Никифоров. М.: Юридическая литература, 1979. 264 с. С. 187.

авторских речевых конструкций, неоправданное загромождение их словами и выражениями, не несущими самостоятельной смысловой нагрузки, не относящимися к числу общеупотребительных, но призванными придать тексту некую более научную видимость.

5. Уголовно-процессуальная научная терминология должна быть максимально приближена к текстам нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, связанные с производством по уголовным делам, авторы не вправе молча игнорировать терминологию закона даже в случае несогласия с ней, а обязаны объяснять и предлагать более приемлемые с их точки зрения формулировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы. СПб.: Алетея, 2015. 448 с.
2. Казакова В.А., Иншаков С.М. Коррекция юридической терминологии в механизме обретения уголовным законом правовой сущности // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 120–133. DOI: [10.12737/jrl.2020.071](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.071).
3. Савицкий В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М.: Наука, 1987. 288 с.
4. Александров А.С. Речь – понимание – доказывание в уголовном суде. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. 219 с. EDN: [ATYFDL](https://elibrary.ru/atyfdl).
5. Головки Л.В. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития // Закон. 2024. № 4. С. 8–20. EDN: [GGSNJL](https://elibrary.ru/ggsnjl).
6. Александров А.С., Александрова И.А., Круглов И.В. Назначение уголовного судопроизводства и наказания. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2006. 111 с. EDN: [QXFAMD](https://elibrary.ru/qxfamd).
7. Тумов В.В. Экстраординарная юриспруденция в Древнем Риме эпохи республики и периода принципата. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2008. 168 с.
8. Кистяковский А.Ф. Общая часть уголовного судопроизводства. К.: Издательство Семенко Сергея. 2005. 118 с.
9. Карташов В.Н. Юридическая культура, антикультура и юридическая ответственность. Ярославль: Филигрань, 2019. 352 с. EDN: [FYWVSL](https://elibrary.ru/fywvsl).
10. Дежнев А.С., Муравьев К.В. Передача отдельных вопросов уголовного дела для разрешения в гражданском процессе // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 41–48. DOI: [10.33184/pravgos-2025.1.4](https://doi.org/10.33184/pravgos-2025.1.4).
11. Соловьев С.А. Заключение специалиста как маркер реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2025. № 5. С. 57–69. EDN: [KATCIL](https://elibrary.ru/katcil).
12. Скобликов П.А. Арбитражный и уголовный процессы: коллизии в сфере доказывания и пути их преодоления. М.: Норма, 2006. 144 с. EDN: [QXBIAL](https://elibrary.ru/qxbial).
13. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовой эксперимент как юридический феномен // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 233–239. EDN: [WZLTUY](https://elibrary.ru/wzltuy).

REFERENCES

1. Romashov R.A., Vetyutnev Yu.Yu., Tonkov E.N. *Pravo – yazyk i masshtab svobody* [Law – language and scope of freedom]. Saint-Petersburg, Aleteyya Publ., 2015. 448 p.
2. Kazakova V.A., Inshakov S.M. Legal terminology editing regarding the mechanism of acquisition of legal essence by criminal law. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2020, no. 6, pp. 120–133. DOI: [10.12737/jrl.2020.071](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.071).
3. Savitskiy V.M. *Yazyk protsessualnogo zakona (voprosy terminologii)* [Language of procedural law (issues of terminology)]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 288 p.
4. Aleksandrov A.S. *Rech – ponimanie – dokazyvanie v ugolovnom sude* [Speech – understanding – proof in criminal court]. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii Publ., 2003. 219 p. EDN: [ATYFDL](https://elibrary.ru/atyfdl).
5. Golovko L.V. We need to determine the model of the criminal process for its further development. *Zakon*, 2024, no. 4, pp. 8–20. EDN: [GGSNJL](https://elibrary.ru/ggsnjl).
6. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A., Kruglov I.V. *Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva i nakazaniya* [Appointment of criminal proceedings and punishment]. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya pravovaya akademiya Publ., 2006. 111 p. EDN: [QXFAMD](https://elibrary.ru/qxfamd).
7. Tumov V.V. *Ekstraordinarnaya yurisprudentsiya v Drevnem Rime epokhi respubliki i perioda printsipata* [Extraordinary jurisprudence in Ancient Rome during the republic and principate periods]. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya Publ., 2008. 168 p.
8. Kistyakovskiy A.F. *Obshchaya chast ugolovnogo sudoproizvodstva* [General part of criminal proceedings]. Kiev, Izdatelstvo Semenka Sergeya Publ., 2005. 118 p.
9. Kartashov V.N. *Yuridicheskaya kultura, antikultura i yuridicheskaya otvetstvennost* [Legal culture, anti-culture and responsibility in the legal system of society]. Yaroslavl, Filigran Publ., 2019. 352 p. EDN: [FYWVSL](https://elibrary.ru/fywvsl).
10. Dezhnev A.S., Muravev K.V. Referral of individual issues of a criminal case for resolution in civil proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2025, no. 1, pp. 41–48. DOI: [10.33184/pravgos-2025.1.4](https://doi.org/10.33184/pravgos-2025.1.4).
11. Solovov S.A. Professional opinion as a marker of implementation of the adversarial principle in criminal judicial proceedings. *Ugolovnoe pravo*, 2025, no. 5, pp. 57–69. EDN: [KATCIL](https://elibrary.ru/katcil).
12. Skoblikov P.A. *Arbitrazhnyy i ugolovnyy protsessy: kollizii v sfere dokazyvaniya i puti ikh preodoleniya* [Arbitration and criminal proceedings: conflicts in the sphere of evidence and ways to overcome them]. Moscow, Norma Publ., 2006. 144 p. EDN: [QXBIAL](https://elibrary.ru/qxbial).
13. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Law Experiment as a Legal Phenomenon. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2025, no. 19, pp. 233–239. EDN: [WZLTUY](https://elibrary.ru/wzltuy).

Criminal procedure scientific terminology: legal content and its verbal presentation

Aleksandr A. Tarasov, Doctor of Sciences (Law), Professor,
Head of Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law,
professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute

Ufa University of Science and Technology, Ufa (Russia)

Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

E-mail: aatar@mail.ru

Received 19.05.2025

Revised 26.05.2025

Accepted 11.06.2025

Abstract: Criminal procedure terminology is a verbal expression of all legislative provisions, all author's thoughts related to the interpretation of the law, discussion of law enforcement and human rights practice, it is the subject and content of all criminal procedure scientific discussions. The legal content of all criminal procedure terms is inherent in its verbal form. Both should adequately reflect the author's thoughts, correspond to each other, be suitable for perception and correct understanding by at least a professional reading audience. The author of the paper uses specific examples from scientific works and publicly available dictionaries of the Russian language to show that for the correct expression and understanding of the author's criminal procedure texts, both their excessive simplification by introducing professional jargon and other colloquial elements and intentional, clearly excessive complication of the author's texts with scientific, mainly foreign-language terminology, sometimes with a distortion of its actual meaning, are equally harmful. Using deliberately complex linguistic constructions overloaded with terms that are far from the texts of laws and law enforcement practice to express the author's criminal procedure thought is, according to the authors, usually aimed at giving their texts individuality and signs of some intellectual elitism. However, in reality this turns out to be the exact opposite – stylistic pretentiousness and verbiage, which complicate the perception of what is written by a professional reading audience and can do harm to the scientific reputation of the author.

Keywords: criminal procedure terminology; language of criminal procedure law; professional jargonisms; criminal procedure; criminal procedure status; suspect; accused; person involved; confessions; criminal case; investigation; right to defense; admission of guilt; testimony of the accused.

For citation: Tarasov A.A. Criminal procedure scientific terminology: legal content and its verbal presentation. *Jus strictum*, 2025, no. 2, pp. 22–30. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-2-61-3.

НАШИ АВТОРЫ

Воробьёва Ольга Александровна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: olga80_tlt@mail.ru

Нугайбекова Ева Николаевна, магистрант.
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: Ea150791@mail.ru

Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса Института права,
профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики юридического института.
Адрес 1: Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Адрес 2: Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: aatar@mail.ru

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

OUR AUTHORS

Nugaibekova Eva Nikolaevna, graduate student.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: Ea150791@mail.ru

Savelyeva Olga Yuryevna, PhD (Law),
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Tarasov Aleksandr Alekseevich, Doctor of Sciences (Law), Professor,
Head of Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law,
professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute.
Address 1: Ufa University of Science and Technology,
450076, Russia, Ufa, Zaki Validi Street, 32.
Address 2: Academician S.P. Korolev Samara National Research University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye Shosse, 34.
E-mail: aatar@mail.ru

Vorobyova Olga Aleksandrovna, PhD (Pedagogy),
assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: olga80_tlt@mail.ru

Фото на обложке: А. Чернявский.